

Анатолий ПЕРКИН

г. Якутск

Счастье ЗЕМНОЕ

журнальный вариант

«Есть два рода счастья: счастье людей добродетельных и счастье людей тщеславных.

Первое происходит от добродетели, второе – от судьбы».

Лев Николаевич Толстой

С самого своего рождения мы задаёмся вопросом, что такое счастье? И всю жизнь пытаемся найти на него ответы.

Дети, живя только одним днём, находят ближе к окружающему миру. Их совершенно не интересуют люди, стоящие у власти, общество, деньги, будущее. Любимый сердцу дворик, шумная и петлявая речушка, тихая деревенская улица, старенький домик на окраине села кажутся единственными и самыми дорогими местами во всем белом свете. Поэтому в отличие от взрослых дети меньше разочаровываются и гораздо счастливее в жизни.

В детстве у меня, как и у многих моих сверстников, была своя мальчишеская вселенная, в которой я жил, не задумываясь о счастье, и только по вечерам, когда в моё окно над кроватью нежно и ярко светила звезда, я бесконечно задавался вопросом: где оно находится, это счастье?

С годами, пройдя через множество испытаний и неудач, радостей и потрясений, потерь и добившись чего-то в жизни, каждый из нас формирует своё представление о счастье. Для многих это здоровье, работа, крепкая семья, верные друзья. Но наше желание достичь ещё большего не покидает нас никогда, и мы продолжаем все так же стремиться к материальному благополучию, должностям, наслаждениям.

Живя в поисках счастья, мы не ценим мелочи жизни, а умение довольствоваться сво-

ей судьбой со всеми её сложностями, которые она уготовливает нам, и оставаться при этом счастливым, дано не каждому из нас.

ДЕТСТВО

Родился я в Рязанской области, и село наше Горлово считалось не таким уж заброшенным, как множество других в России. Имелась своя железнодорожная станция с названием «Миллионная», можно подумать, что жили в Горлово люди обеспеченные и богатые.

На самом деле жители села, чтобы выжить, от зари до заката трудились на колхозных полях.

В колхозе долгое время работали и мои родители. Труд их был нелёгким, и я старался им помочь. Чтобы накормить колхозную скотину, вместе с родителями носил тяжёлые снопы соломы, неподъемные ведра воды.

Со временем я осмелел и сам стал доить коров, не уступая опытным дояркам. Зараз доил до пяти коров. Фотография моя даже попала на страницы районной газеты. В деревне в то время я был почти звездой, и счастье долгое время покидало меня.

Жили мы небогато, но в нашем доме всегда царили взаимопонимание, благополучие и... счастье.

Семья наша была большая: я, мои родители, бабушка, бабушка, брат Миша, младше меня на год.

В наследство от деда достались мне большие старые деревянные сани, которыми я очень гордился, так как смастерил он их лично для меня. По вечерам дед часто сажал меня на колени и рассказывал разные истории из своей жизни. «Вот вырастешь, станешь плотником, как я, это же хорошо, когда строишь дома», – часто говорил он.

Своего дедушку я не очень хорошо помню. Помню лишь, что был он высоким, худым, часто шутил и почему-то по вечерам всегда ходил в кальсонах, которые мне сильно нравились. Я думал о том, что, когда вырасту, будут и у меня такие же.

Каждую весну на своей старенькой лошадке дедушка пахал огороды, чтобы заработать деньги. А потом с мужиками пил водку. Один раз они налили и мне и, посмеявшись, сказали: «Пей, мужиком будешь». Взял я стакан в руки и не знал, что мне с ним делать, а мужики смеются и всё подкалывают меня. Тогда я подумал: «Да они просто издеваются». Взял и вылил водку в только что вспаханное поле. Мужики, конечно, обиделись, но виду не подали. После этого случая мне больше не наливали.

А дед мой всё это время чесал свою бороду, с гордостью глядя на меня. Любил я его даже не потому, что был он уважаемым в деревне челове-

ком, а за эту самую бороду, хранящую в себе большие тайны.

Дед мне часто говорил, что, если я вырву из неё волосок и загадаю желание, оно обязательно сбудется. Я так и делал. А если не сбывались мои мечты, он успокаивал: «Видно, не так сильно хотел ты этого счастья». Мне иногда казалось, что мой дедушка был настоящим волшебником, особенно когда сбылась моя давняя мечта и мне купили трёхколёсный велосипед, на котором я раскесал по деревенским улицам, угодив однажды в густую крапиву.

А ещё я очень любил, когда дедушка брал меня на руки и подкидывал вверх. Тогда я видел очень близко большой крест, который висел на его широкой груди. Мне было немного страшно и в то же время смешно и весело. Я хохотал так сильно, что прибежала бабушка и всё ахала, глядя на наш цирк.

Как и многие мужики в деревне, любил дед крепко выпить, поэтому так и не построил собственный дом. Зато построил его своему родному брату.

Когда моего дедушки не стало, я долго горевал о нём и его белой бороде, из которой уже не мог выдернуть волшебный волосок.

Нищета, в которой жила почти вся деревня, а не только наша семья, вынудила моих родителей отдать младшего брата Мишу в детский дом.

Когда я немного подрос и стал больше разбираться в жизни, я попытался узнать у родителей, почему так произошло и отчего одни люди живут счастливо и богато, а другие – бедно.

– Подрастёшь, тогда поймёшь сам, – говорили они мне.

В отличие от нас, богатым был наш сосед, к которому я частенько забирался в сад, где по осени было много яблок, или в сарай за куриными яйцами. Однажды он поймал меня и выпорол крапивой, после этого я забыл вкус соседских сладких яблок и свежих куриных яиц. Несмотря на то что сосед был богатый, отличался он большой жадностью, и поэтому в деревне его не уважали.

* * *

Чтобы понять окружающий мир, на завалинку, где курили махорку и оживлённо беседовали деревенские старики, я часто присаживался, пытаюсь узнать, о чём они говорят. Внимания на меня никто не обращал, а разговоры их мне были скучны. И тогда я, как и вся деревенская ребятня, задрал штанины, бежал на речку, где стояла старая деревянная мельница.

Перед каждым Новым годом вместе с отцом мы отправлялись в лес за ёлкой. Срубали самую вы-

сокую. Мне казалось, что чем больше будет ёлка, тем счастливее будет Новый год. Наряжали ёлку фантиками от конфет и снежинками, сделанными из бумажных салфеток. Вместо гирлянд зажигали обычную синюю лампочку, свет от которой казался сказочным и загадочным.

Учёба в нашей деревенской школе давалась мне трудно – я частенько пропускал школьные занятия, поскольку в детстве был хиленьким мальчиком и очень много болел. Особенно из тех лет запомнился мне запах камфорного масла, так как часто меня беспокоили уши.

Школа наша была старенькой и холодной, поэтому чернила, которые мы приносили с собой, долго отогревались. И когда завхоз дед Фёдор закладывал дровишки в печку, она наполняла класс дымом, от которого слезились глаза, а нас всё это по-детски забавляло.

В юном возрасте я любил ходить с мамой в гости. Была она у меня красивой, об этом мне говорили соседи. Когда мы шли с ней по деревне, знакомые мужики кричали ей вслед: «Ей, Антоновна, куда пошла?» Я ещё сильнее прижимался к ней, крепко взяв за руку. Мама это замечала и однажды спросила, не ревную ли я? Я, конечно, отрицал, но на самом деле мне не нравилось, что чужие мужики засматривались на маму.

Чтобы хоть чем-то доставить ей счастье, каждый раз на 8 Марта я дарил ей праздничные открытки, на которых всегда писал: «Милая мамочка, ты у меня самая красивая, я тебя люблю, буду теперь учиться только на четыре и пять». Но обещания свои не выполнял и по-прежнему часто приносил домой тройки, а то, бывало, и двойки.

* * *

Когда я подросток, то каждое лето работал в колхозе пастухом. Трудиться мне нравилось. На старой кобыле Савраске, которая большую часть дня лежала на лугу, со своей верной собакой Найдой, которую я подобрал на речке, пас телят. Рядом с селом протекала речка Табола, приток Дона, и я, раздевшись донага, купался в ней, подплывая к осоке и красовавшимся жёлтым кувшинчикам.

А в голубом безоблачном небе светило яркое солнце и пели жаворонки. Накупавшись до икоты, ложился в зелёную и сочную траву, пахнущую нежной мятой, аромат которой дурманил голову. Рядом весело журчал живой родник, из которого я пил студёную воду.

Когда начинался дождь, вместе со своей собакой я забирался в шалаш, построенный собствен-

ными руками из тростника. Неподалеку от шалаша проходила железная дорога, и мне нравилось встречать и провожать пассажирские поезда. Я мечтал о том, как бы отправиться в далёкое путешествие, чтобы познать жизнь.

Это был мой мир, о котором я никому не рассказывал. Мне тогда казалось, что нет на свете людей счастливее, чем я.

Как и у многих в детстве, происходили у меня разные случаи, были весёлые и не очень.

Особенно запомнился один. Стояли очень жаркие дни, наша небольшая речушка местами пересохла. И вот один раз прибегает отец и восторженно кричит: «Сынок, там рыбы много, прямо в луже плавают!» Мы с отцом сначала пытались ловить рыбу кошёлкой. Но когда в воде мы подняли большую муть и рыба всплыла брюхом вверх, то руками выкидывали её на берег. В тот день мы наловили больше ведра щук, плотвы и окуней. Сначала готовили рыбу на костре, потом, наевшись до отвала, принесли большую добычу домой и даже поделились с соседями. Я был рад такому счастливому случаю.

* * *

В нашем стареньком деревенском доме в углу висела икона Божией Матери. Досталась она нам ещё от бабушки, которая часто мне говорила: «Счастье, внучек, заключается в православной вере». О какой вере она говорила, в то время я понять не мог. Смотреть на икону долго я боялся. Мне казалось, что кто-то сверху наблюдает за мной и знает всё, что я делаю. Поэтому я опасался совершать недостойные поступки, а если делал их, то, когда родителей не было дома, иногда тайком молился, чтобы искупить вину, так как был крещёным, а на груди у меня висел маленький крестик.

На Пасху перед иконой родители зажигали лампаду, и в нашем милом доме становилось уютно и тепло. В эти весенние дни расцветали под самыми окнами черёмуха и сирень, и их аромат наполнял нашу избу. Мама пекла пироги в деревенской печке, аппетитный запах которых будил меня ранним утром, а вечером мы накрывали праздничный стол и всей семьёй пили чай с малиновым вареньем. Потом с деревенскими ребятами отправлялись по соседским домам, заходя почти в каждый, чтобы всех поздравить. Принимали нас тепло и радостно, угощали крашеными пасхальными яйцами, блинами и куличами.

Набрав с ведро пасхальных яиц, я нёс их домой, мне казалось, что этого угощения нам хватит на целый год.

Мы, деревенские дети, любили христианские праздники, особенно Рождество. Вместе с дворовыми собаками катались с высокой горы, построенной всей деревней. А потом шли в самую большую сельскую избу к бабе Клаве, у которой было шестеро детей. Здесь нас угощали блинами с мёдом.

Одно было плохо: на большие церковные праздники нашим бабушкам приходилось ездить молиться в соседнюю деревню – наша-то церковь была заброшена. Сначала её превратили в клуб, а потом – в склад. А была она такая большая, что мне казалось: там может разместиться половина жителей нашей деревни. Под церковью был подземный ход, и мы с мальчишками пытались туда попасть, за что нас всегда ругали родители. А мы, не слушая их, всё равно старались туда добраться, чтобы найти клад, который принесёт нам счастье и богатство.

БРАТ

Незаметно пролетело детство, вот уже впереди меня ждали выпускной школьный вечер и дорога, которую каждый выбирает в своей жизни сам. После школы я подался в колхоз, так как работы у нас больше в деревне не было. Правление дало мне рекомендации для учёбы на водителя. Отучившись, получив права и старенький «ГАЗ-52», я возил деревенских девчонок, но ещё чаще сидел в непролазной грязи, которой в наших краях хватало на всех.

Подъехав первый раз к своему дому, я с гордостью подал сигнал, потревожив соседей и дворовых собак. «Здорово, родители, вот мне машину доверили, теперь и вас буду возить на огороды», – с гордостью заявил я. Счастью моему не было предела – ведь мне доверили машину. Я шофёр!

Но радость моя оказалась недолгой. Весной этого же года заболела мама, и ей сделали операцию. «Матери твоей жить осталось недолго, болезнь её неизлечимая», – сказал мне как-то знакомый деревенский врач. Маме об этом мы с отцом не говорили, но мне казалось, что она догадывалась сама. Верующие бабушки приносили просфоры и говорили, что, если их есть натошак, они помогут. Лежала моя мама около той самой заветной иконы Божией Матери.

«Я должна увидеть своего сына, чтобы попросить у него прощения», – часто говорила мама. Это было её последнее желание. Она чувствовала большой грех за то, что много лет назад сдала моего младшего брата в детский дом, и всеми силами пыталась прожить ещё немного, чтобы снова его увидеть. А мы не знали, где его искать, так как в письме, полученном из детского дома, нам сообщили, что брата

моего там нет. Но в один из дней к нам прилетела радостная весть.

«Твой брат нашёлся», – неожиданно окликнула меня почтальонша, передавая письмо.

«Я очень скучаю по вам и очень хочу всех видеть. После детского дома меня взяла на воспитание семья, но всё равно для них я чужой. Жду ответа, как словей лета», – писал мой младший брат Миша.

Мы ответили, что тоже очень ждём его.

* * *

В ожидании большого счастья я пошёл на железнодорожный вокзал, чтобы встретить брата. В деревне эту новость узнали, собрались зеваки, многим было интересно посмотреть, кто он такой. Среди сходящих с поезда пассажиров брата я искал по фотографии, которую он нам прислал в письме.

Его я узнал издали. Был он немного выше и худее меня. «Здравствуй, брат, – окликнул я его. – Это мы тебя ждём». Слезы радости сопровождали нас всю дорогу к дому. «Здравствуй, сынок, ты нашёл нас, а я уже и не думала тебя увидеть, столько лет прошло. Я уже и стол накрыла», – встречая нас на крыльце, радостно причитала мама.

Долгими вечерами брат рассказывал о своей жизни на чужбине.

«Приняли меня в чужой семье хорошо. Я даже не ожидал, что так могут любить посторонние люди. Первое время они мне не говорили, что у меня есть настоящие родители и что взяли меня из детского дома. Уже позже я случайно от соседей в деревне узнал, что у меня есть настоящие родители, очень захотелось вас увидеть, почувствовать настоящее семейное тепло. А теперь мы все вместе, это так здорово, я давно мечтал об этом.

Конечно, у чужих людей, которые меня взяли на воспитание, я был почти родным ребёнком, но они боялись, что я могу остаться у вас, ведь здесь родные люди, а там – чужая кровь.

Я теперь точно буду счастливым, мне об этом одна старушка нагадала».

Он всё это говорил так, как будто долго готовился. А мы слушали его, ощущая себя виноватыми, и от этого в глазах моих родителей стояли слёзы. Они хотели сделать что-то хорошее своему нашедшемуся ребёнку. Мама плакала и постоянно гладила его по голове, угощая блинами, и говорила: «Спасибо, сыночек, что приехал, а я думала, что не увижу тебя больше». Отец всё пытался спросить, рад ли он встрече и хорошо ли ему у нас? Но у него это почему-то не получалось, и он говорил невпопад: «А как там тебе жи-

лось, тебя не обижали? Оставайся у нас, хлеба всем хватит».

Для меня приехавший брат был словно дорогая находка, которую я боялся потерять.

«Я брата нашёл, ко мне брат приехал», – говорил я своим друзьям и соседям. И специально ходил с ним в клуб на танцы и просто гулял по улицам, чтобы лишний раз показать его всем. Мне хотелось, чтобы об этом узнали вся деревня, весь мир, который мне тогда казался самым счастливым.

Я тайно верил, что брат найдётся. И верил не зря. А встретив его, чувствовал непонятную для меня вину.

* * *

Мама после приезда младшего сына пошла на поправку. Больше стала радоваться жизни и смеяться. По утрам дом наполнялся запахом блинов, потекла радостная семейная жизнь.

Но недолгим было наше семейное счастье: брат связался с плохой компанией, стал выпивать. «Почему сдали в детский дом меня, а не тебя?» – этот вопрос часто стал возникать между нами. И на него я не мог найти ответа. «Ты счастливее меня, тебе этого не понять. Если бы ты знал, что пришлось мне испытать, когда я узнал, что у меня была своя семья», – говорил брат. Я не ожидал этих слов и пытался наладить наши отношения. Но они не складывались.

Мы становились ему чужими, и все наши попытки понять его ни к чему хорошему не приводили. Выпивка его не прекращалась, он перестал ходить в больницу, а в семье возникли конфликты. «Ты бы хоть к матери в больницу сходил, она тебя так долго ждала», – говорил ему отец. В ответ брат стал говорить о том, что ему здесь не нравится, что он намерен уехать.

Я просил его остаться: «Ты знаешь, как долго тебя ждала мама. Побудь у нас, пока она жива, для неё это очень важно. Если она узнает, что ты уехал, она не проживёт и дня. Что тебе стоит? Врач сказал, что ей недолго осталось жить, тогда ты можешь уезжать, куда тебе захочется. Пойми, что ты продлеваешь ей жизнь. Сам врач, который её лечит, сказал, что это просто чудо, что мама до сих пор жива. Ты это понимаешь?» Но слова мои были для него пустым звоном. Та боль, которую испытывала мама, а вместе с ней и мы, была ему безразлична. В душе у него не было сочувствия. Оттого, что он в детстве был отдан в детский дом, родная мать и мы стали для него чужими людьми.

В больницу к маме я ходил один. В последнее время она стала чаще говорить о Боге, о том, что он услышал её молитвы и к ней вернулся сын.

«Вот отправим тебя в армию и будем ждать, когда вернешься. А Мишка – он хороший. Такое впечатление, как будто он всё это время был рядом со мной, просто я его не замечала. Меня, наверное, за это и Бог наказал. Я вот поправлюсь и вместе поедем в районный центр, купим что-нибудь для Миши, а то я ему последний раз одежду покупала, когда ему годика три было.

Чужие люди всё равно его сильно не баловали. А потом вы троём пойдёте за ёлкой, и мы все вместе будем встречать Новый год. Всё у нас будет хорошо. Я сейчас поеду счастлива, и так сильно хочется жить, чтобы вас на ноги поднять!»

Я держал в своих ладонях руки матери и видел, как за последнее время они сильно исхудали, с лица исчезла улыбка, которой она одаривала всех знакомых в деревне. Да и разговаривала она уже не так бойко. Я знал, что каждый проведённый с ней вечер мог быть для неё последним, и поэтому старался поддерживать её. Но где-то глубоко в душе я надеялся на чудо, что всё у нас будет хорошо, и, находясь дома, всё чаще глядел на икону и просил у нее, чтобы в нашем доме было счастье.

Но я видел, как хрупкий мир, созданный в моих мечтах, давал глубокую трещину. Я терял двух своих близких людей – маму и брата, который с каждым днём всё больше и больше отдалялся от меня и в любое время мог уехать. И я ничего уже не мог изменить. А мама, словно чувствуя что-то неладное, каждый раз спрашивала меня:

– А где мой сынок Миша, он что, не хочет меня видеть?

– Он сказал, что придёт один, – говорил я, обманывая её каждый раз.

Мама таяла на глазах. И это было ужасно: каждый раз замечать, как ей становится всё хуже и хуже. Силы оставляли её. Она уже почти не вставала с больничной постели, и я знал, что она уже не может ходить.

Но в один из дней она буквально приползла домой, мучаясь от боли. Брата не было – последнее время он редко появлялся у нас. Обессиленная мама не могла открыть калитку и прислонилась к ней, чтобы не упасть. Отец поспешил ей навстречу, радостно крикнув: «Сынок, мама пришла! Иди встречать! Ей уже лучше стало. На стол накрывай!»

Но уже через несколько минут стало ясно, зачем она пришла. Весь вечер она безуспешно прождала своего младшего сына. К вечеру её стали мучить невыносимые боли, и мы вызвали «скорую помощь». Это был её последний вечер в кругу семьи, в котором не оказалось дорогого нам человека – её сына и моего младшего брата. И в этом опять я винил прежде всего себя. Винил

за то, что не смог его понять и принять таким, какой он есть.

Однажды мы с братом сильно поссорились. Не выдержав таких сложных отношений, я сказал прямо и открыто: «Знаешь что, брат, если хочешь жить с нами по-человечески, живи. Если не хочешь, можешь уматывать на все четыре стороны». Говорил эти слова я с большой болью, было мне очень плохо от того, что близкий мне человек, в котором течёт родная кровь и которого я ждал много лет, стал мне чужим и непонятным. «И уеду, меня здесь ничего не держит. Наверное, зря вообще я сюда приехал», – эмоционально отреагировал брат.

В один из вечеров, собрав свои скромные пожитки, он заявил, что уезжает обратно, к своим приёмным родителям. Мне хотелось ему сказать что-то важное и доброе. Но то, что было глубоко в душе, я не смог выразить словами.

«Постой, брат, чем мы виноваты перед тобой? Так сложилась жизнь, такова судьба», – с болью проронил я.

В то время мне было уже всё равно, и даже не возникло желания остановить его, сказать на дорогу добрые слова. Я даже не пошёл провожать его на вокзал. И только после его отъезда остался на душе тяжёлый камень от того, что уехал от нас родной, но так и не ставший близким человек.

* * *

В дождливый осенний день мама умерла, вспоминая обо мне, но я был в поле на работе, никто мне об этом не сказал. Мы отослали телеграмму брату, но он так и не приехал.

Хоронили маму почти всей деревней. Кто-то очень сильно сожалел: «Молодая ещё совсем ушла, жить бы ей да жить. Как теперь без неё мужики будут?» Кто-то тихо шептался: «Смотрите, а сын-то её младший не пришёл на похороны, говорят, уехал. И почему он уехал? Может, его не так приняли. Говорят, он пить стал и с плохой компанией связался».

На похоронах я не плакал, сам не знаю почему. Больше курил; курил, не стесняясь, при всех и много. Наверное, хотелось выглядеть взрослым. Когда стали закапывать могилу, какой-то ком подкатил к горлу и остался там. И только после похорон за столом слёзы застлали глаза. Но жизнь продолжалась.

Через несколько дней мне пришла повестка в армию, чему я очень обрадовался. За отца я был спокоен. Его познакомили с молодой красивой женщиной. И я был рад, что он не остался один.

Но тётя Аня (так звали мою мачеху) оказалась не-

хорошей женщиной. У неё часто куда-то исчезали наши деньги, и я видел, что она врёт. Но не обращал на это внимания. Главное, чтобы отец был не один, думал я. Было мне тогда восемнадцать лет, хотелось быстрее уйти в армию для того, чтобы что-то изменить в своей жизни. Вся деревня провожала меня в дальний путь. «Счастливой тебе дороги, сынок», – сказал мне на прощание председатель колхоза, пожимая руку и вручая большой чемодан, в котором разместились все мои пожитки. Родной дядя браво играл на деревянных ложках, а сосед своими жёлтыми от табачного дыма пальцами умело и задушевно – на гармошке. Бабушки-соседки крестили на дорогу. Пришла провожать меня и красивая девчонка Катя с нашей улицы, которая мне очень нравилась. Как сейчас помню её и большие голубые банты. На прощанье, поцеловав меня нежно в губы, она сказала: «Толя, ты хороший парень и нравишься мне». Я был счастлив.

* * *

Служба в армии для меня, как и для тысяч ребят, оказалась обычной. Сначала была учебка в Москве, потом Забайкальский военный округ. Новая жена отца буквально через два месяца обобрала его до нитки и исчезла. Отец снова остался один, и мне от этого было грустно. Всё это время моя связь с ним была через письма, которые за него писали соседи, так как он был неграмотным.

Отслужив, осенью я вернулся домой, но дом оказался заброшенным и одиноким. Вокруг были заросли крапивы и высокая полынь. Внутри дома паутина свисала по углам, а по полу бегали голодные серые мыши. Страх одолел меня. Где мой отец, как жить дальше? Почему так случилось? Два года я мечтал поскорее вернуться в свой старенький дом к отцу. От соседей узнал, что отец женился и уехал к другой женщине в ближайшую деревню, что приезжал какой-то солдат и искал меня, и я сразу подумал, что это был брат. Так в 20 лет я оказался без семьи и без копейки в кармане.

Мой старенький и ветхий дом требовал серьёзного ремонта, да и жить там один я не хотел, а оставаться у мачехи тоже не стал и подался на поиски счастья. Провожали меня в дальнюю дорогу только икона Божией Матери, чудом оставшаяся в заброшенном доме, да старая соседская собака, с которой я играл ещё в детстве. Так же, как и много лет назад, на её пушистом хвосте висел репейник, а в грустных и верных глазах были печаль и разочарование. Хозяева умерли, и остался пёс жить один в полуразрушенном доме. Казалось, что всем своим со-

бачьим видом животного так и говорила: «Возьми меня с собой, мне здесь плохо и одиноко».

Ещё хуже было мне. Ведь я знал, что дом, в котором родился и вырос, где прошло моё счастливое детство, я покидал навсегда.

МОСКВА

Поиски счастья начались с одного из московских вокзалов, где я прожил трое суток, раздумывая, куда податься дальше. Когда деньги, что одолжили соседи из моей деревни, были на исходе, я вспомнил, что в Средней Азии, в Учкудуке, живёт мой дядя, который приглашал меня когда-то к себе. С этой мыслью я подался к кассе – покупать билет. И вдруг меня окликнул посторонний мужчина:

– Эй, солдат, не хочешь в охране работать?

– Я тебе что, старичок, что ли? – возмущённо ответил я.

– Да ты не знаешь, что это за охрана, мы и молодых туда не всех берём. Будешь работать в центре Москвы, не пожалеешь, – заманивал сотрудник военизированной охраны Министерства финансов СССР, который искал мобилизованных солдат.

Через неделю я стоял у главных ворот Государственного банка, потом было Центральное хранилище Минфина.

Помню, случился как-то со мной небольшой конфуз. По совместительству в одном из универмагов столицы я работал дворником. Меня заметили знакомые девчонки из деревни, был я тогда одет в старую и местами рваную фуфайку и поношенную шапку-ушанку. Сначала они долго рассматривали меня со стороны, но, осмелившись, спросили, чем я здесь занимаюсь и почему у меня такой вид? Однажды я приезжал к себе в деревню в форме охранника, но, чтобы быть на высоте, сказал, что работаю сотрудником спецслужбы. И вот, встретившись теперь с моими бывшими деревенскими девчонками, я им заявил, что нахожусь на спецзадании и прошу их не подавать виду, так как за нами может быть слежка. Так я и выкрутился из неприятной ситуации.

От Москвы брал всё. Посещал выставки, музеи, театры. А однажды, перекупив билеты, посетил Большой театр. А ещё я стал писать стихи, которые читал в общежитии. Поэтому мне и предложили поступить на курсы журналистов при МГУ. К обучению я относился серьёзно, пытаюсь уловить в каждом слове преподавателей секреты профессии, о которой мечтал ещё с детства. Осо-

бенно гордо об обучении я говорил у себя в деревне, где мои бывшие учителя с недоверием относились к тому, что я учусь в МГУ.

В один из дней меня пригласили в известный журнал «Юность», куда я отправлял свои стихи. Там меня обрадовали: «Сюда мы не всех приглашаем, стихи у тебя неплохие, но надо много учиться, тогда, может, что-нибудь и получится. Мы возьмём для печати два стихотворения. Если есть ещё, приноси», – сказали мне в редакции.

Радость охватила меня. «Я уже почти поэт!» – думал я. Однажды я читал свои стихотворения в ресторане «Москва», где присутствовали начинающие московские поэты. Я чувствовал себя почти звездой. Читал свои стихи и любовался из окна на Красную площадь. Казалось, протяни только руку – и Москва будет покорена.

Но одними стихами про осень, берёзы и осенний дождь мне не удалось покорить столицу. Жить в этом шумном городе мне разонравилось через три года – слишком много суеты. В окружении миллиона людей было мне тоскливо и одиноко. Часто я отправлялся на один из московских вокзалов и провожал уходящие в дальний путь пассажирские поезда. Мне нравилось смотреть на то, как люди куда-то уезжали, уютно усаживаясь в своих купейных вагонах. Хотелось и мне сесть в первый попавшийся пассажирский поезд и уехать из Москвы в поисках счастья далеко-далеко.

Прожив пять лет в столице и окончив автомеханический техникум, университет марксизма-ленинизма и курсы журналистов при МГУ, я подался по России искать счастье. Я ничего за эти годы не нашёл: за спиной была котомка, а в ней пара червонцев и три книги. А ещё было сильное желание посмотреть мир.

ПОИСК ИСТИНЫ

После почти двухнедельной поездки я оказался на Севере, где шло строительство железной дороги и освоение нетронутого края, о котором мы все в то время мечтали. Со мной рядом работала молодёжь со всей России, но в основном из Якутии. Я счастлив!

Об этом я мечтал, живя в Москве. Быстро освоившись на новом месте, создал корпункт стройки, стал собирать её историю, писать о людях, получать хорошую зарплату. В то время почти каждый из нас был счастлив по-своему: впереди – светлое будущее, материальный стимул, возможность проявить себя. Здесь я нашёл новых друзей, был избран в совет штаба БАМа.

В стране началась перестройка. На АЯМе (Амуро-Якутская железная дорога) рабочим в то время было не всё равно, кто придёт к власти. Для них главными были стабильность и возможность хорошо заработать. Люди видели несправедливость, так как оказались брошенными на произвол судьбы. Пропадали энтузиазм, стремление, инициатива. Людям была нужна вера в завтрашний день.

И когда от трудовых коллективов АЯМа я был рекомендован на совещание по проблемам строительства БАМа, то был настроен рассказать всю правду. Совещание, на котором присутствовали представители министерств и ведомств, московские чиновники, СМИ, мне показалось скучным. Многие руководители пытались оправдать себя.

Мне это порядком надоело, и я устремился на трибуну. Представитель Якутии схватил меня за костюм, пытаясь остановить. Но мне было всё равно, и я начал говорить. До этого полусонные от однообразия выступающих операторы и журналисты центральных газет и телевидения вдруг направили на меня камеры и микрофоны. Я стал говорить о простых человеческих проблемах, которые особо никого не волновали, о том, что таят чиновники.

Говорил о проблемах не только строителей, но и о том, какой бардак присутствует на стройке, как тысячи людей остаются ненужными государству и судьба их никого не интересует.

После выступления дал интервью Центральному телевидению, московским и местным СМИ.

Я был счастлив от того, что груз, который долгие годы носил в себе, мне удалось выплеснуть наружу. Наивно надеялся, что моё выступление поменяет сознание чиновников и проблемы простых людей будут услышаны наверху.

Потом мы с товарищами с надеждой смотрели моё выступление по Центральному телевидению. Промелькнули лица знакомых якутян, но меня, хотя снимали больше всех, на экране так и не было. Наверное, показался кому-то слишком запальчивым, ершистым – вырезали... Местные СМИ хоть немного, но всё же попытались написать правду, которую я хотел донести. На стройке простые рабочие стали относиться ко мне как к герою, а вот начальство – с недоверием и опаской.

В один из зимних вечеров начальник поезда, оказавшийся на укладке железной дороги, которая находилась за сотню километров от нашего общежития, изъявил желание меня подвезти. Я заподозрил что-то неладное в его предложении. «Такого не бывало, чтобы простые работяги в «Волге» вместе с начальством ездили», – поду-

мал я. Но от приглашения не отказался, и машина отправилась в дорогу.

Проехав полпути, «Волга» остановилась. «Ну что, приехали, борец за справедливость, – стал кричать на меня начальник поезда. – Что ты везе лезешь, куда тебя не просят, справедливости ищешь? Да ты нам просто работать не даёшь. А ты знаешь, вот сейчас здесь тебя грохнем и закопаем в снегу, и никто об этом не узнает».

Вечерело, в радиусе 100 км стояла гнетущая тишина, мороз под сорок. Но мне было всё равно, я не испугался и ответил спокойно: «А что ты меня пугаешь? Что хочешь, то и делай». Видя моё спокойствие, матерясь и брызгая мне в лицо от злости слюной, начальник махнул на меня рукой и сказал водителю «Волги»: «Поехали».

О случившемся я рассказывать никому не стал. Может, поэтому отношение руководства ко мне изменилось. Не запугав и не сломив мою волю, стали они ко мне более вежливыми и добрыми.

Но я знал, что это была просто маска, которую люди надевают с определённой целью и могут её снять, когда им нужно.

Пытаясь добиться справедливости, я продолжал свою бесполезную борьбу. Благодаря известному в то время журналисту Максиму Кусургашеву, который работал на радиостанции «Юность», я несколько раз выступал в его программе.

Приехав из глухой тайги, я ходил по «Останкино», и глаза мои разбегались от удивления при виде телезвёзд. А когда меня пригласили на программу «Взгляд» и я встретился с журналистами, счастьем моему не было предела. Я пью чай с тортом с самим Эдуардом Сагалаевым, и мы говорим о жизни. Но вся моя мышиная возня не приносила простым строителям хоть немного счастья. И от этого желание борьбы с ветряными мельницами стало потихоньку пропадать. Я понял, что истина там, где власть и деньги.

СОСТОЯНИЕ

Скопив денег на строительстве железной дороги, я решил приобрести жильё в Тынде, куда меня пригласили работать журналистом в газету «Мосты магистрали». Денег было много. В то время на них можно было купить две двухкомнатные квартиры. В небольшой чемоданчик они не вмещались, и мне пришлось купить обычный пакет, который порвался от тяжести.

На эти деньги я опять пустился в путешествие по стране. объездил почти всю Прибалтику и Дальний Восток, жил в самых дорогих гостини-

цах. Однажды в одном из кафе Таллина ко мне подошёл молодежавый официант и предложил заказать музыку. Я не ожидал, что для меня будет играть небольшой оркестр, и был немного растерян, но после недолгих раздумий заказал «Гори, гори, моя звезда...».

*Твоих лучей небесной силою
Вся жизнь моя озарена;
Умру ли я, ты над могилою
Гори, сияй, моя звезда!*

Скрипка играла, словно плакала, и душа моя пела ей в такт. Я испытывал счастье, только не знал от чего. Может, от того, что впервые за много лет я услышал эту песню полностью, посвященную только мне, так как в кафе, кроме меня, никого не было, а может, от того, что, заплутав в жизни, искал я счастье, как свою звезду, которую не смог найти. Впервые слова песни меня так глубоко тронули за душу, что в горле появился ком, а на глазах навернулись слёзы.

С большими деньгами я выглядел как-то странно. Мне было стеснительно, что недалеко от меня находился официант, который старался мне угодить в выборе блюд, названия которых я слышал впервые. Вёл я себя скромно, пил мало, много ел и думал о том, что всё это когда-нибудь закончится и надо наслаждаться этими минутами. А вечером в шикарной гостинице мне предложили девушку лёгкого поведения. Это было у меня впервые, и я очень волновался. Для смелости я купил бутылку коньяка и гаванские сигары и стал представлять, что сейчас появится девушка моей мечты.

Выпив очередную рюмку дорогого коньяка и закулив сигару, я стал раздумывать о том, как же хорошо жить с большими деньгами и что есть люди, которые так живут всегда. А ещё я думал о том, как мне придётся общаться с девушкой лёгкого поведения, о чём с ней говорить и как себя вести. Стук в дверь моего номера был неожиданным, и на пороге уже стояли несколько девушек и парень-качок, обритый наголо, который грубовато сказал: «Выбирай». Как будто собирался продавать какой-то недорогой товар. Мне приглянулась молодая блондинка с широко открытыми глазами, и я с волнением показал на неё.

Войдя, девушка сразу осмелела и для начала осмотрела номер. «Может, познакомимся?» – спросила она, представилась Светой и свободно стала себя вести, направившись сразу в ванную. Её свободное общение ещё больше напрягло ме-

ня, и желание овладеть ею исчезло вместе с очередной выпитой рюмкой коньяка. Мне захотелось просто поговорить о жизни и узнать, в чём видят путаны своё счастье, зарабатывая на жизнь таким способом. Из нашей беседы я понял то, что для девушки важна самостоятельность. Находясь в данный момент почти вещью, которую покупают все желающие, она мечтала таким способом заработать хорошие деньги и быть независимой. Об этом она говорила с большим волнением, как будто в этом и видела своё будущее счастье.

Сказать, что я испытал счастье от больших денег, это ничего не сказать. Испытываешь счастье не от самих денег, а от ощущения, что они у тебя есть и их можно потратить куда и как угодно. С большими деньгами жизнь приобретает совсем другие ценности. Ты не ставишь перед собой вопрос, где их взять и как сэкономить, и можешь себе позволить всё, что тебе хочется. И от этих мыслей испытываешь счастье.

Может, потому, что я сильно не дорожил деньгами, они быстро от меня ушли. В этот же год в стране произошла денежная реформа, и те деньги, которые остались у меня, уже ничего не стоили, их даже не хватило на покупку однокомнатной квартиры. И меня среди зимы выкинули на улицу из жилья, которое я снимал и не успел купить до реформы.

Так я оказался бомжем и подался к знакомому другу в Новосибирск. Там его брат работал директором завода, мы занялись бизнесом. Но очень скоро я понял, что бизнесмен из меня не получится. Чтобы хоть как-то выжить, пошёл на рынок продавать вещи. В то время в стране перестала работать идеология коммунистов, многие люди потеряли веру в будущее. В их душе оказалась пустота, которую нужно было чем-то заполнить. Люди стали больше пить, среди молодёжи начала процветать наркомания. Появились различные религиозные общества и лидеры, за которыми люди готовы были пойти куда угодно.

Прочитав много литературы об индуизме, чуть не стал кришнаитом и я. В Новосибирске посещал их кружки, а потом вместе с ними ходил по улицам города и кричал: «Харе Кришна!» Наголо выбритые кришнаиты были вежливы в общении и в своих разукрашенных одеждах всегда привлекали к себе внимание. Но, пообщавшись с ними поближе и побеседовав с их духовным учителем, я понял, что то счастье, которое испытывают они от этой религии, мне непонятно. С бизнесом в чужом городе у меня не получилось, и я вновь оказался на вокзале.

ИЗГОИ ОБЩЕСТВА – НИЩИЕ И БЕЗДОМНЫЕ

Мне нравилось смотреть на вокзальную суету, на молодые пары, особенно с детьми, которые куда-то уезжали, приезжали и чего-то ждали. На вокзале была другая жизнь, какой-то неизведанный и непознанный мир, который постоянно менялся.

Когда мне было голодно, я покупал дешёвый стаканчик кофе, а если хватало денег, то и бутерброд. Тогда я чувствовал себя немного важным и думал о том, что когда-нибудь стану одним из этих пассажиров, которые куда-то постоянно спешили. От этого на душе моей становилось веселее. Чтобы продлить удовольствие, кофе я пил небольшими глотками, перемещаясь с одного на другое место шумного и многолюдного вокзала.

Свободные днём места на вокзале в ночное время были часто заняты. А если и удавалось их найти, то спать приходилось недолго. По ночам меня выгоняли со своих мест такие же бездомные, как и я, милиция бесконечно проверяла документы. Но сон набирал силы, и я, несмотря ни на что, в невероятных позах засыпал на вокзальных скамейках. Приноровиться спать в таких условиях ещё не проблема. Сложнее всего было бороться с голодом, который стал моим постоянным спутником. Чтобы забыть про него, пил много воды, и тогда на какое-то время чувство голода пропадало, но довольно скоро возвращалось с новой силой.

Побираться было стыдно, и я шёл разгружать вагоны. Работать грузчиком было тяжело, особенно если выгружать приходилось цемент, который постоянно сыпался за воротник, летел в уши и глаза, и после него было тяжело отмыться. Зато это была самая высокооплачиваемая работа.

Мужики здесь постоянно матерились, а когда после работы делили деньги, часто ругались и дрались. Однажды я, чтобы не ударить лицом в грязь, попытался плевать, как они. Но у меня, как у них, не получалось, и тогда один из грузчиков ехидно сказал: «Ты даже плевать не умеешь!» Его слова меня сильно обидели, и я всё больше пытался подражать им, но со временем понял, что школа мне эта не нужна, и продолжил вести себя как обычно.

Однажды они выкрали у меня паспорт и последние заработанные деньги. Но когда я попытался обвинить их в этом, они чуть было меня не избили и заявили, что надо отвечать за свои слова. Как отвечать за свои слова, я не знал, но в один был уверен: паспорт и деньги украли они.

Так я стал настоящим бомжем, и когда об этом

думал, то меня одолевал страх за будущее.

Теперь даже при желании устроиться на работу сделать этого я не мог: меня просто не брали. А на восстановление паспорта требовались деньги и время.

От грузчиков я теперь держался на расстоянии, а их ряды постоянно пополняли какие-то неприятные типы, вечно пьяные и неопрятного вида, которые матерились почти через каждое слово. Особенно мне не нравился их бригадир – рыжий и громадного роста с наколками на волосатых руках.

Его мужики побаивались больше всего. Как я понял из их разговоров, он долго сидел в тюрьме и был у них в авторитете. И вот однажды, когда его понесло, он долго и смачно меня материл. Я, не вытерпев, сказал ему культурно и вежливо: «Не материте меня, пожалуйста». В один миг глаза его округлились, как будто он услышал от меня то, что никогда не слышал. «Да я не то что материться, я тебя раздавлю и на ровном месте закопаю», – говорил он, через слово вставляя мат, и я не на шутку перепугался.

Но перепугался я ещё больше после того, когда он почему-то полностью изменил ко мне отношение, стал называть только на «вы» и больше никогда не повышал на меня голос. Наоборот, учил, как жить и справляться с тяжёлыми мешками. «Ты не дрейфь, пацан, – говорил он. – Главное – надо как младенцу в жизни сделать первые правильные шаги, так и здесь, чтобы мешок не завалил тебя в сторону. А потом пойдёт всё как по маслу». Я так и делал, но всё равно с моим маленьким ростом огромные мешки с цементом казались неподъемными великанами. Под вечер спина разламывалась на куски, и на следующий день я с трудом шёл на работу. Платили нам немного. Но я радовался даже тем деньгам. После этого я гордо заходил в первую попавшуюся столовую, брал салат, первое, второе блюда и компот с булочкой. Живот мой наполнялся, и я радовался, поскольку на некоторое время забывал о еде и ко мне приходили хорошие мысли и настроение.

Когда моя жизнь теряла всякий смысл, в поисках счастья я брёл по селениям и весям. Брёл туда, куда тянула душа. Однажды я очутился на берегу красивой речушки во Владимире, где стояла небольшая церквушка Покрова-на-Нерли. Ее колокольный звон привлек мою одинокую и заплывшую душу, ноги сами повели в храм.

При входе в церковь я заметил таких же бездомных и нищих, как я. Одни стояли, другие сидели, но все они ждали милостыню от прихожан. Один из нищих протянул ко мне руку в надежде,

что я смогу ему что-либо дать. Но дать ему мне было нечего, и я для чего-то поздоровался с ним и встал рядом у входа в церковь, не решаясь в неё войти.

Я смотрел на то, как в церковь входили прихожане, которые все по-разному относились к нищим. Кто-то с пренебрежением и сочувствием смотрел на них, таких было большинство, единицы бросали в их грязные ладони копейки. Меня это радовало. Потому что сегодня на эти деньги они купят себе хлеб или похлёбку в дешёвой столовой. Немного осмелев, я вошёл в божий храм. В церкви было многолюдно. Встав при входе, я засомневался, но обратно решил не выходить. Около иконостаса горели свечи, бабушки крестились и читали молитвы, священник о чём-то беседовал с прихожанами. На меня никто не обращал внимания.

Окружающая обстановка вселяла в меня веру в лучшее. Было здесь тепло и уютно, уходить не хотелось. Я был атеистом, но крещёным (в детстве в наш дом приходила какая-то женщина, называла её крёстной). Я смотрел на прихожан и размышлял, что они могут обо мне подумать, ведь в то время молодёжь не ходила в церкви. Это был мой первый храм, где я на последние копейки купил свечу, помолился и поставил её у святого образа. Впервые я смог глубоко заглянуть в свою душу, мне стало жалко себя, но легче, и все проблемы остались где-то позади, хотя бы ненадолго, но я обрёл душевное спокойствие.

* * *

На железнодорожный вокзал Владимира я возвратился поздно вечером, так как всю вторую половину дня искал работу. На этот раз мне не повезло, вагоны на станцию не пришли, и денег заработать было негде. Так что голодать пришлось три дня.

На утро четвертого я решил податься в близлежащее селение в надежде найти там работу и временное жильё. Я брёл, отчаявшись, по большаку, и душа моя надрывалась от безысходности, голода и одиночества. Недалеко от села я увидел деревенских мужиков, которые пасли скот и косили траву. Стояла сильная жара, и мужики часто утирали рукавами пот, было видно, что они порядком устали. Неподдалёку от них дымил костёр, в котором виднелась печёная картошка. От увиденного мне сильно захотелось пить, и я попросил у них воды.

«Да вон родник, сколько хочешь пей», – указали они мне в сторону. Пройдя несколько шагов, я

увидел ключевую воду, которая небольшим фонтаном пробивалась из-под земли. Рядом валялась алюминиевая кружка. Зачерпнув студёную воду, я стал её пить небольшими глотками, так как от холода ломило зубы. «Ну как, напился? Теперь садись, обедать будем», – пригласили меня колхозники, разложив на зелёном лугу запечённую картошку, только что вытащенную из костра, сало, деревенский квас и хлеб. Я был очень голоден, и эта появившаяся на лужайке скромная еда и костёр были для меня как пышный обед в московском дорогом ресторане.

Набравшись сил и немного ободрившись, я спросил, как им живётся в деревне. «Да разве это жизнь? Колбасы у нас нет, хотя мы скотину выращиваем, а мясо увозят в большие города. Наш колхоз когда-то миллионером был, – жаловались мужики, – а теперь вот совсем развалился. Перестройка во всём виновата. Кому теперь мы нужны, вот только земля-кормилица нас и выручает».

Увидев длинный кожаный кнут – помощник любого пастуха, я вспомнил детство и колхозных коров, которых также когда-то пас во время летних школьных каникул. Я попросил у них кнут и, словно ковбой, показал им своё мастерство. На минуту обомлев, они спросили меня: «Ты что, из деревни, что ли?» Я почему-то с гордостью ответил: «Да!» Увидев во мне своего человека, колхозники разговорились. Узнав, что я из Москвы, стали расспрашивать, как там живёт столица, когда в их деревню проведут газ.

«Это было бы для нашей деревни настоящим счастьем, а то надоело нам заготавливать каждый год дрова, – сетовали они. – А ещё мечтаем мы, чтобы провели в нашу деревню водопровод. А то жёны заставляют нас много воды таскать, особенно когда у них стирка». И от этой беседы стало у меня на душе веселее и радостнее. Я тоже вспомнил свою полуголодную деревню, где питались мы в основном картошкой и молоком, и тем, что сажали на огородах, так как свой скот, особенно коров, в деревне резали редко. Корова была нам кормилицей.

* * *

Ночевать я вновь вернулся на железнодорожный вокзал. В буфетах толстые тётеньки продавали бутерброды, чай и кофе. Проглотив слюну, я купил бутерброд и моментально его съел, запивая обжигающим кофе. Осматривая вокзал, я искал себе место для ночлега. Но вокруг всё было занято.

Простояв несколько часов, я наконец-то заметил свободное место. Свободным оно было из-за того, что рядом расположился не совсем опрятный и доброжелательный гражданин, который изредка бранно и громко выражался. Но мне было всё равно. Устав за день, я готов был расположиться где угодно, уж очень сильно хотелось спать. Но уснуть мне пришлось не сразу. Увидев во мне своего соратника-бомжа, мой сосед попытался заговорить. Осмотрев меня внимательно и немного задумавшись, пылливо спросил:

– А ты что, такой же, как и я? Наверное, и тебе жизнь не в радость? Ничего, не падай духом, брат! Вот мы с тобой сейчас бездомные, для нас главное поесть бы вкусно и переспать, чтобы тепло и мягко было. Нам многого от жизни и не надо, поэтому у нас меньше желаний и разочарований. А представь, что ты богатый человек, ты уже будешь мечтать о том, как купить ещё круче машину и лучше отдохнуть. И нет предела нашим потребностям, и не будет счастлив до конца человек, потому что оно измеряется материальными мерками.

Счастье – это состояние души, даже при тех проблемах, которые нас волнуют. Счастливы духовные люди, которым не нужны материальные ценности.

– Мы тоже далеки от материального благополучия, но мы почему-то счастливыми себя не считаем, – перебил я его.

– Смотря кто, я вот себя считаю вполне счастливым, потому что я так думаю, а не оттого, как думают обо мне другие. А если я представлю себя униженным и несчастным, то так оно и будет. А я не хочу быть таким. Я знал много своих бывших друзей, кто имел хорошую семью, должность, но они пили и потеряли почти всё. А отчего, ты спроси у них. Скажут, жизнь такая. А какая у них жизнь? Да хорошая жизнь, посмотри они со стороны на нашу, будут нам сочувствовать. Так оно в жизни и бывает, мы не хотим задуматься о том, в чём состоит наше счастье. А кто задумывается, тот и становится счастливым. Ценить надо каждую мелочь, которую тебе преподносит судьба, тогда она даст тебе больше, – философствовал бездомный, раскладывая на вокзальной скамейке свой вечерний ужин, состоящий из добытого где-то куска сыра, несвежего вида колбасы и уже полусохшей корочки чёрствого хлеба.

Устроившись поудобнее на вокзальной скамейке, голодный и пытающийся понять услышанное, я пытался заснуть. Но сон долгое время не приходил ко мне. Мимо постоянно сновали пассажиры. Кто-то встречал своих близких, кто-

то с грустью провожал своих любимых. Вокзал был полон неожиданностей. Лишь только моя жизнь проходила однообразно и неизменно, не предвещая ничего интересного. Оглянувшись вокруг, я глубоко в душе осознал полное одиночество и безнадежность. Среди снующих вокруг меня сотен людей мне до боли в груди захотелось увидеть своих родных или друзей. Уткнувшись лицом в своё старенькое пальтишко, я так и заснул, не обращая внимания на бушующую вокруг привокзальную жизнь, которая меня особо и не касалась.

На этот раз товарные вагоны на станцию вновь не пришли, и я решил податься куда угодно на поиски работы.

Ближе к вечеру я остановил первую попавшуюся машину. Голод не давал мне успокоить мысли, и я рассказал водителю о своей жизни. Он оказался хорошим мужиком. Остановившись у столовой, сказал: «Пошли, паренёк, накормлю тебя, у меня тут есть немного денег». Купив мне обед, он сидел в стороне и жалостливо смотрел, как я, пересилив свой стыд, накиннулся на еду.

Повеселевший от сытной пищи, я поблагодарил незнакомого водителя. Он же подбросил меня до соседней деревни, которая оказалась такой заброшенной, что только облезлые кошки и старый голодный пёс бродили по пустынным улицам, автобусы сюда ходили только дважды в неделю. Увидев сидевшую на завалинке бабушку, спросил, что за деревня и почему не видно людей. Видно, не расслышав мой вопрос, старушка стала жаловаться на жизнь: «Вот видишь, сынок, деревня наша вымирает, никому мы здесь не нужны, но мы и этим счастливы, главное, чтобы про нас хоть не забывали, хлеб да соль привозили».

Узнав, что я из Москвы, пригласила в свою старенькую покосившуюся избёнку, всё время расспрашивая, как живёт столица. Обычная деревенская изба, которая похожа на тысячи, скромная обстановка, шторы из цветной материи на окнах и иконы в дальнем углу. Уставший от дороги, я скромно присел на лавку у двери.

– Как же, сынок, ты из Москвы-то уехал? – удивлённо и часто задавала мне вопросы бабушка. Для жителей заброшенной деревушки в российской глубинке гость из столицы был большим человеком, и новость быстро облетала все дворы. Ближе к вечеру в гости пришли соседи, все преклонного возраста. Они с нескрываемым любопытством рассматривали меня, расспрашивали о столичной жизни, интересовались вопросом повышения пенсий.

С открытой русской душой, оторванные от ос-

новного мира, в этом отдалённом уголке России они казались заброшенными, но та необычная окружающая земная красота делала жителей деревушки добрыми и счастливыми. Они радовались всему: протекающей в задумчивости речушке, старенькому деревянному колодцу, который, словно журавль, украшал их единственную улицу, почерневшим от времени старым соломенным крышам и особой тишине, от которой на душе становилось тепло и спокойно.

Побродив по деревне, я забрался на сеновал, где сладко, по-детски заснул. Стоило только занять ранней заре, как после короткой ночи неожиданно проснулась вся природа, и солнечные лучи, брызнувшие из-за косогоора, скользнули по моему лицу. Я слез с сеновала и вышел из староро деревенского сарая.

Не успев пройти и несколько шагов, я ощутил, как мои босые ноги погрузились в зелёную траву, с которой, словно грозди винограда, свисала прохладная утренняя роса. Умывшись ею и сорвав налившиеся соком румяные яблоки, которые заменили мне завтрак, я тронулся в обратную дорогу. Идти мне пришлось долго. Но я не чувствовал усталости, любясь необъятной Россией. На бескрайних зелёных заливных лугах, уходящих за горизонт, стояли только что сложенные в аккуратные ряды стога сена. Не часто, но встречались погибающие деревни со старыми покосившимися избёнками, в которых ещё чудом теплилась жизнь, поддерживаемая старыми добрыми людьми.

Нищие вымирающие деревни в самом центре России, позабытые старики, судьбы которых никого не волнуют. От безнадёжности в поисках счастья молодёжь подалась в города. И только пожилым людям было некуда деваться, а потому, смирившись со своей судьбой, они оставались доживать дни в покосившихся избёнках.

Я долго брёл по большаку, не зная, куда и зачем. Эту уходящую вдаль дорогу я сравнил со своей судьбой, которая вела в неизвестность. У меня не было выбора, путь был единственный и вёл только вперед. Я шёл по нему с надеждой и верой, что он правильный. Шёл я долго, время было уже далеко за полдень, июльское солнце безжалостно и нестерпимо обжигало лицо, ноги устали, но я знал, что должен был осилить этот путь, вместе с которым преодолевал и себя.

* * *

Когда в стране началась перестройка и на верхах делили власть, отношение к обществу, особенно к

бездомным и нищим, стало более чем безразлично. Законы и права на личную собственность стали давать трещины. Нищих и бездомных на улицах наших городов стало появляться всё больше и больше.

В то время в России еще вчера защищенные государством и обществом рабочие, колхозники, техники, инженеры вдруг остались без работы, оказались без жилья и стали изгоями в обществе. Бездомность стала национальной проблемой, настоящим бедствием общества.

Весна для бездомных – что дождь в засуху, даёт им веру в лучшую жизнь. Кто смог выжить в зимнюю стужу, не замёрзнув на свалках, в подъездах или полусырых подвалах, сейчас, как первые подснежники, потянулись к весеннему и не совсем ещё тёплому солнцу. Для них оно теперь стало спасением, подарив надежду и немного счастья. Теперь им не надо искать тёплый ночной угол. Их ночлегом стало любое место под открытым небом. Но чаще их можно было видеть там, где большой людской поток: около православных храмов, крупных торговых центров, на привокзальных площадях.

В свете солнечных весенних лучей на фоне сверкающих куполов церкви они особенно выделялись в своей грязной и оборванной одежде. Именно здесь нищим дают больше, чем в других местах, и поэтому места у храмов считаются доходными. Нищие готовы часами понуро сидеть здесь в ожидании очередной милостыни, не замечая друг друга.

У каждого из них своя непростая и никому не известная судьба, которая выбросила их на задворки жизни.

Одна из женщин, скрючившись в невероятной позе на картонном ящике, повторяла давно избитую фразу: «Люди, помогите и простите меня!» За что её нужно было простить, я так и не смог понять. Не мылась она, наверное, очень давно, так как на голове ее был невообразимо грязный платок, из-под которого выглядывали жёлтые космы.

«Новый русский нищий» – клише, которым стали обозначать представителей различных социальных групп России, резко обнищавших (обедневших) в 1990-е годы, после распада Советского Союза. Термин обычно используется в уничижительном значении: новыми русскими нищими называют одиноких пенсионеров, а также работников с заработной платой ниже прожиточного минимума, утративших всякую веру в справедливость. Они также часто являются объектами окончательного ограбления криминальными элементами, в результате чего лишаются жилья, документов и превращаются в бомжей.

Судьба подчас не щадит никого, среди нищих можно увидеть и молодых, и пожилых людей, и мужчин, и женщин, отличить которых в невероятно грязных одежонках иногда бывает сложно, для них существует только один ярлык – НИЩИЕ! В многолюдных местах их так много, что перестаёшь замечать, как они продолжают тянуть свои руки, прося милостыню.

Спускаешься в подземный переход, а там на ступеньках стоят убогие подростки и согнутые нуждой старики, некоторые из них выкинуты на улицу родными детьми.

Но одни люди проходят мимо нищих с недовольством, а другие с презрением, лишь единицы готовы помочь, небрежно бросая в грязные ладони гроши.

Присел рядом со знакомым. Жарко. Снял шапку, чтобы утереть пот. Наблюдаю за одним из нищих. Он долго и понуро бродит в переходе и, видимо, устав, садится прямо на грязные ступеньки. Мимо снуют люди, не обращая на него никакого внимания и не задумываясь о том, что могут сами стать такими же нищими и бездомными. И лишь одна новомодная дама, презрительно посмотрев в его сторону, что-то буркнула себе под нос.

И в этот самый момент старческая рука бросает в мою шапку сторублёвку. «Прости, сынок, всё, что могу...» Рядом со мной, опираясь на палочку, стояла старенькая бабушка.

Ещё один пенсионер, проходя мимо, вопросительно посмотрел в глаза: «Как же так, сынок, стыдно должно быть...»

В душе что-то перевернулось, захотелось убежать из этого потускневшего в моих глазах мира, туда, где нет чувства стыда, нищих и бездомных, где не ощущаешь плевков и презрение, брошенные в твою сторону.

Рядом в луже купается белоснежный голубь, в лучах солнца тщательно чистит свои перышки и словно наблюдает за мной. Я от души ему завидую, потому что он не как мы, а птица свободного полёта, которая не зависит от общества и не живёт по его законам.

Хочется сбросить с себя эту грязную и вонючую одежду, искупаться в речке, смыв с себя накопившуюся обиду и незаслуженные унижения.

* * *

Приближалась великая Пасха, сотни людей потянулись в церкви. Собрался и я в ближайший храм, захотелось увидеть, как встречают этот великий праздник.

Подойдя к церкви, я увидел знакомых мне бездомных, просивших милостыню. Из открытых дверей храма, почти полностью забитого людьми, раздавалось песнопение. Осторожно войдя в церковь, я встал почти на входе, не решаясь войти внутрь, так как мой внешний вид был далеко не приличный, да и мои глаза, как мне казалось, говорили о многом. Так я простоял больше часа, наблюдая за проходившей службой, пока какая-то бабушка не протянула мне крашеное пасхальное яйцо. «Христос воскресе», – тихо сказала она. От неожиданности я растерялся и уже почти вслед крикнул: «Востину воскресе».

Держа пасхальное яйцо в своих ладонях, я ещё долго стоял и смотрел на входивших и выходивших из церкви православных верующих. Если молодые пары, входя и выходя из храма, о чём-то оживлённо беседовали, то пожилые люди, приостановившись и перекрестившись, проходили молча.

Когда к прихожанам вышел священник и стал окроплять принесённые куличи и яйца святой водой, я скромно продвинулся вперёд, держа в руках единственное пасхальное яйцо. К священнику было трудно пробраться, но мне очень хотелось, чтобы в этот день святая вода попала и на меня. С большим трудом я протиснулся вперёд. Мне повезло: несколько капель упали на мою одежду и лицо. Желания их смахнуть не было, мне было приятно и радостно ощущать их на своём лице.

В этот день многим бездомным и нищим повезло, почти каждый из тех, кто был около церкви, имел около десятка яиц, а некоторые – и куличи. Вечером, собравшись на вокзале, они делились своими впечатлениями, которые внесли в их однообразную и серую жизнь частичку радости от Светлой Пасхи.

Я был сильно голоден, но пасхальное яйцо долго не трогал, проходил с ним в кармане почти целый день и только под вечер решил его съесть. Было оно окрашено в зелёный цвет и показалось мне очень маленьким. Поэтому ел я его медленно, вкушая каждый кусочек, который буквально таял у меня во рту. Если в детстве на Пасху с соседскими ребятами в деревне мы собирали почти по ведру пасхальных яиц, а потом хвастались друг перед другом, то сейчас у меня оно было одно-единственное и поэтому, наверное, казалось таким вкусным и дорогим. И ещё я был очень уверен в том, что оно принесёт мне счастье.

* * *

Книги я любил всегда. Ещё в детстве я так зачитывался до ночи «Тихим Доном», что даже пропускал в школе занятия. Вот и сейчас у меня в сумке было «Золотое путешествие Синдбада», название этой книги соответствовало моему образу жизни. Путешествие, конечно, у меня было, но не «золотое», и никакой я был не Синдбад, а заплутавший в поисках счастья странник.

Когда я попал в безвыходную ситуацию, попытался продать книгу прохожим, чтобы купить хоть немного хлеба. Но меня сторонились, и в результате мои надежды на сытную еду стали медленно угасать. Я вновь шёл по незнакомому и чужому мне городу, не замечая прохожих и мчавшихся мимо машин, думая о смысле жизни. Погружённый в раздумья, я не заметил, как очутился на проезжей части. Неожиданно передо мной промчалась большая грузовая машина, почти задев лицо, за ней следовал прицеп. Неведомая сила отбросила меня в сторону. Я встал, оглядываясь вокруг, думая о том, жив ли я. Вокруг по-прежнему сновали люди, всё так же проносились машины. «Может, я хотел покончить свою жизнь самоубийством?» – подумал я и испугался своей мысли.

Я знал, что это большой грех, и никогда бы так не поступил. Я просто не думал о своей жизни и отдался судьбе. Ведь не обязательно целенаправленно готовить самоубийство. Так просто, ни о чём не думая, без боли и страха её лишиться. Может, так и кончают свою жизнь тысячи людей, неосознанно, а получается всё равно самоубийство. Я отыскивал для себя ответ. Он пришёл сам, неожиданный и правильный. Жизнь продолжается, и я должен преодолеть эти трудности.

«Пусть я голоден, мне негде ночевать, нет будущего. Зато я вижу этот мир, который дан мне Богом. Я жив, значит, счастлив?» – размышлял я, вдыхая весенний воздух, наполненный жизнью и теплом.

В очередной раз мне стало жалко, но не себя, а что-то глубокое внутри. Возможно, это была моя душа, которая хотела, чтоб я жил.

От прошедшего страха по телу пробежали мурашки, а сердце забилось в радостной истоме. В этот миг я почему-то сравнил свою жизнь с потерянной в детстве игрушкой, которую так и не нашёл.

Оглянувшись, я увидел толпы людей, проходивших мимо, которым не было дела до моих проблем. Даже если бы я умер, подошли бы несколько человек, повздыхали, вызвали «скорую» и милицию, а потом всё забыли. А меня без паспорта, наверное, похоронили бы безымянным на каком-нибудь кладбище, и никто бы уже не вспоминал обо мне.

Говорят, жизнь человека бесценна. Но ценность она имеет в отношении к ней нас самих, в том, что мы хотим в ней увидеть. Слово «жизнь» почти все произносят одинаково, но смысл и отношение к ней у всех разные. Одним словом нельзя выразить всё то, что связывает с ней, с пониманием мира и теми мыслями, которые к нам приходят. Для ребенка слово «жизнь» не имеет особого значения.

Для нищих жизнь – это выживание. Еда и тёплый угол, которые они ищут почти каждый день. Часто их жизнь ничего не стоит, а возможность думать о счастье у них меньше, потому что оно далеко от них. Им проще думать о Боге, который им кажется ближе. И от этого их жизнь приобретает совсем другой смысл, потому что то общество, которому они были когда-то нужны, оказалось для них чужим и далёким.

* * *

В тот день сама судьба послала мне удачу. Пахло весной, природа тянулась к солнцу, светившему так ярко, что вся жизнь, казалось, была насыщена радостью и счастьем. Я почему-то подумал о том, что в этот день мне должно повезти и я смогу чего-нибудь поесть. Но где взять деньги?

«А вдруг я найду кошелёк?» – осенила меня нелепая мысль, от которой потеплело на душе. В голове промелькнули разные планы: гостиница, душ, чистая постель. Но со временем мои желания поутихли. И я, как колхозная лошадь Савраска, понурился, брёл по незнакомым мне улицам.

Заканчивался ещё один день, и очередная бездомная ночь не предвещала ничего хорошего. Почему-то вспомнились церковь Покрова-на-Нерли, где я поставил свою первую свечу, приятное томление души и то чувство, которое я впервые испытал к чему-то более высокому и светлому. На память пришли слова из молитвы, услышанные в церкви, и я, опустив глаза, по-прежнему всё же что-то пытался найти на тропинке, по которой шёл.

И вдруг я заметил кем-то потерянные пять рублей и словно остоленел от увиденного. «Ошибся, – подумал я. – Просто показалось». Зачем-то отвёл взгляд в сторону и снова взглянул на тропинку, где лежали деньги. Схватив их и оглядевшись по сторонам, я, словно ребёнок, боясь потерять, сильно зажал их в кулак и так прошёл несколько метров. «А вдруг там ничего нет?» – мелькнула мысль. С большим трудом я разжал пальцы – на ладони лежали деньги. Радости и счастьем моему в этот вечер не было предела.

Бодро и важно войдя в первую попавшуюся бу-

лочную, я уверенно подал деньги продавщице и купил буханку хлеба. Выйдя из магазина, разломил её пополам, одну половинку бережно положил в свою котомку. Я шёл по улице и ел хлеб. Он был таким вкусным и необычным, что сразу вспомнилось детство. Когда мама работала на пекарне, я ел такой же свежий и горячий, только что из печки хлеб.

Пели птицы, светило яркое весеннее солнце, и моему мимолетному счастью, казалось, не было предела. Но оно постепенно угасало, так как половинка буханки хлеба, которая была у меня в руках, быстро заканчивалась, но радовала ещё другая половинка, которая лежала в котомке.

Вечером оставшимся хлебом я поделился с такими же бомжами, как и сам. Но рассказать им, как он оказался у меня, я почему-то боялся. Словно угадав мои мысли, один из бездомных попытался научить меня зарабатывать деньги.

– А ты попробуй побираться, это так просто и легко. Ты знаешь, сколько я в день зарабатываю? Тебе и не снилось. Хочешь, я покажу тебе денежные места? А ты мне бутылочку купишь. Вот смотри, я всегда при деньгах, – доставая из рваных штанов помятые купюры, с гордостью хвалился он. – Мне не важно, что обо мне думают, важен результат, и его я всегда имею, – философски рассуждал незнакомый бездомный, наливая одеколон в стакан и разбавляя его водой.

– Ты не смотри так на меня, – сказал он, заметив мой недовольный взгляд. – Это вовсе не одеколон, видишь, нарисован огурец. А это они так просто пишут, что одеколон, чтобы людей в заблуждение ввести. Всю страну ввели в заблуждение, поэтому и страдают люди, не знают, что им делать и как жить дальше.

Перемешанная смесь стала похожа на скисшее молоко, которой он заливал свою никчёмную и не значимую для него жизнь.

– Ты знаешь, я два флакона могу выпить, мне ничего не будет, – хвастался он, увидев удивление в моих глазах.

У обитателей вокзалов в тот день было своё мимолётное счастье: кому-то удалось подработать на выгрузке вагонов, кому-то повезло сдать в магазин стеклотару, кто-то подался в другие места обитания.

* * *

Вокзал принимал всех, особенно нищих и бездомных. Если послушать каждого из них, то сложится впечатление, что почти все здесь оказывались случайно. Кого-то подставили, обманули с жильём, выгнали на улицу, некоторые по своей вине оказа-

лись выброшенными из общества. Опустившись на дно, одни стали спиваться, некоторые становились наркоманами, другие любыми способами хватались за всё, чтобы выжить. Часть, привыкнув к такой жизни, смирилась с ней. У этих людей был свой мир, своё представление о жизни и счастье.

Общество к таким людям относится с отвращением. Особо никого не интересует, как человек оказался на улице. А ведь многие из бездомных имели когда-то семью, детей, были счастливы. Встречались и талантливые, и с высшим образованием. Но говорить об этом они особенно не любили. «Судьба у нас такая», – часто можно было услышать от них. Были и такие, которых выгнали из дома дети. Но они всё равно плохо о своих детях не отзывались. «Так, значит, и должно быть, у них своя жизнь, мы им мешали жить», – рассуждали бездомные. А если их дети чего-то добивались в жизни, с гордостью об этом говорили.

Эти люди не злились на свою судьбу. Они жили одним днём. И как птицам и зверью божевка даёт пищу и жильё, так и они проживали каждый день в надежде на лучшее завтра.

Бездомные собаки всегда становятся спутниками нищих. Они как бы видят в них своих товарищей по несчастью, готовы в поисках пищи или тёплого угла бродить с ними целыми днями и больше похожи на домашних кошек, которые пытаются не отходить от своего хозяина в надежде хотя бы немного получить от него внимания. Привязалась и ко мне маленькая дворняжка. Откуда она взялась, я понятия не имел.

Первой моей мыслью было избавиться от неё, чтобы не нести за неё ответственность.

– Не обращай на неё внимания, она сама уйдёт, – увидев меня с незнакомой собакой, сказал один из бездомных. – Их здесь много бегают, они, как мы, ищут каждую ночь себе место для проживания. Они вообще безобидные, а на кого им злиться, только лишь на своих хозяев, которым они стали не нужны, – философски разъяснял бездомный.

Но когда собака подошла к другому нищему, а тот со злостью пнул бездомную дворнягу, мой собеседник встал на её защиту.

– Ты давай собаку не трогай. Она тоже еду и тёплый угол себе ищет. Может, она и не осознаёт, что такое счастье, но доброта и внимание всем нужны. А вообще, любить всех надо.

Вот у меня случай в жизни был. Любил я одну женщину, красивая была, я для неё всё готов был сделать. А она не замечала моей любви и внимания, вышла замуж за состоятельного бизнесмена и выгнала меня из дома. Но я на неё не обижаюсь.

Дай бог ей счастья. Все наши проблемы от того, что мы не тех любим. Мы часто любим женщин за внешнюю красоту, а не за их внутренний мир. Любовь должна идти через Бога. И тогда мы не будем видеть в людях плохое, а станем замечать только хорошее. По жизни должно как быть? Любовь должна порождать любовь. А если она остаётся без ответного внимания, мы начинаем страдать. Мы мечтаем о большой любви и думаем о том, что она принесет нам счастье, а получается наоборот.

Закончив свою речь и достав хлеб из старенького потёртого саквояжа, бездомный, отломив краюху, дал собаке, после чего аккуратно собрал все крошки и отправил себе в рот.

Узнав о том, что я журналист, он полушутя-полусерьёзно попросил меня: «Напиши про нас. Представляешь, люди будут читать о нищих и знать о том, что мы есть. А то живём как тени, которые могут исчезнуть в любой момент, и никто этого не заметит. Все пишут и говорят о звёздах, а мы-то тоже люди, которых никто никогда не станет слушать, тем более разговаривать с нами. Может, и изменится к нам отношение. Многие тогда, наверное, будут завидовать нам. Представляешь, завидовать нищим. Было бы здорово спустя много лет посмотреть на свою жизнь. Может быть, многих из нас уже не будет. Говорят, от такой жизни долго не живут, года три – и всё. Я слышал, был такой случай, один из нищих стал крутым бизнесменом, потом открыл приют для таких, как мы. Он точно в рай после смерти попадёт. Так оно и правильно. За хорошие поступки человек счастье должен получать хоть здесь, хоть там, а за плохие – то, что заслужил».

* * *

Ночью во сне у себя в ногах я ощутил маленький тёплый комочек, которым оказалась знакомая дворняжка. Но стоило мне только попытаться встать, она, резво вскочив, исчезла в неведомом направлении.

Просыпаться не хотелось. Удивительно красочный и волшебный сон, где я жил в достатке, имея положение в обществе, остался позади. Я знал, что если открою глаза, то он исчезнет навсегда. Так – в полудрёме, полусне – я пролежал, как мне показалось, очень долго. Не хотелось, чтобы уходил сон, где всё в моей жизни было расставлено по своим местам, в котором я видел своё счастье и наслаждался им. «Почему такое не происходит в жизни? – спросил я сам себя. – Я бы многое отдал, чтобы это произошло наяву».

Пролежав с закрытыми глазами ещё некоторое время, я подумал о том, как не хочется вставать, скорее всего, предстоящий день будет таким же серым, однообразным и скучным, не сулящим ничего хорошего. Снова увижу вокзал, наполненный снующими людьми, опять придётся искать еду и бродить в поисках работы.

Впервые за много дней такой одинокой, голодной и бессмысленной жизни я подумал о смерти. Для меня она представлялась тихим уходом из жизни, избавлением от проблем и неудач. Но в то же время меня одолел страх. Если я умру, тогда не смогу думать, искать, любить и верить. А вдруг там может не быть счастья, которое я пытаюсь найти?

Пересилив себя, я попытался встать, но тело было неподвластно мне. Прошедшая ночь не принесла ему отдыха, и я чувствовал полный упадок сил. Тело моё словно существовало отдельно. «Тебе, наверное, лучше, чем мне, ты не думаешь о счастье и смерти, не мыслишь и не мечтаешь, значит, и не страдаешь, – с презрением думал я о нём. – Если бы ты знало, какого труда стоит доставлять тебе удовольствие, мыть, одевать, вкусно кормить, мягко и сладко укладывать спать».

Посмотрев на себя со стороны, я увидел давно не мытого, голодного и уставшего в скитаниях и исканиях странника. «Зачем брожу по свету – из города в город, от храма к храму? Чего ищущу? Счастья? А может быть, Бога, которого я недостойн видеть?»

«Чего я стою в этой жизни, какая во мне ценность? Меня даже не замечают проходящие мимо люди. А может, меня здесь и нет, а есть только моё тело? – подумал я, когда один из прохожих нагло перешагнул через меня, а другой небрежно и грубо пнул ногой. – Так тебе и надо, ты приносишь мне только одни заботы и страдания. Если бы моя душа находилась в другом теле, возможно, я почивал бы на берегу лазурного моря и мне не пришлось бы страдать».

Ведь всё так просто: тело может сделать меня счастливым. Почему я не думал раньше об этом? Но я не могу его поменять, потому что в нём находится моя душа, которая даёт мне жизнь. Только после смерти она может обрести другое тело. Я даже могу стать собакой.

Это какой-то бред, этого не может быть! Если душа живёт в моём теле, значит, она является неотъемлемым целым меня. Нас создал Господь, ему виднее, какое тело я заслужил. Христианство вообще отвергает учение о переселении душ. Значит, моё тело – это мой крест, кото-

рый я должен нести по жизни. А страдания – это мои грехи, которые я должен искупить. И если я умру раньше времени, значит, мои грехи останутся со мной и меня впереди ждут ещё большие страдания, чем на земле.

Но почему Бог не делает всех нас счастливыми, и мы не все приходим к нему, если он сотворил нас? Может, он специально посылает нам страдания, которые дают возможность сильнее осознать остроту счастья и выбрать более правильный путь исправления, чтобы быстрее прийти к нему.

Если бы не было страданий, то мы бы не радовались мелочам и жили бы, как животные, не осознавая своего предназначения. Путь, по которому мы идём, мы заслужили сами, а возможность его изменить – смирение, которое приблизит нас к Богу.

Странно, но почему я в детстве меньше страдал? Наверное, оттого что у меня было меньше желаний, поэтому меньше и разочарований в их достижении. Но человек не может жить без желаний, даже сейчас у меня возникают желания, но только для того, чтобы выжить. Достигнув большего, мы остаемся неудовлетворенными настоящим, и так может продолжаться бесконечно. Для чего я думаю об этом?

Окружающим и всему человечеству не важны мои мысли. Меня можно сравнить с затерявшейся песчинкой, смешанной с тысячами тонн песка. Кто сможет её заметить и есть ли в этом надобность?

Я так и буду жить мечтой что-либо изменить в своей жизни.

Но где найти знания для того, чтобы понять, для чего мне она дана Богом? А может, вообще об этом не стоит думать, потому что нам всё равно не осознать жизнь? Наш разум не настолько богат, чтобы найти правильные ответы на все вопросы.

Возможно, сама природа с рождения заложила в нас определённые знания, которые нам необходимы только для того, чтобы их развивать для познания себя.

Познание – это сложный и долгий путь, и нам для этого часто не хватает опыта, и мы смиряемся с условиями жизни.

Если бы я знал, что попаду в такое положение, разве бы стал подвергать свою жизнь опасности, которая подстерегает повсюду?

Окончательно проснувшись после сладкого сна, я снова увидел себя на грязном вокзальном полу, где меня окружали дымящиеся и брошенные кем-то окурки, наслаждавшимся запахом де-

шёвых варёных сосисок, который исходил от привокзального буфета.

На душе снова стало тоскливо и одиноко. Посмотрев на одного из пассажиров, отличавшихся от других печальной задумчивостью, я подумал о том, что и счастье каждому своё. И от этой мысли стало намного легче.

Ведь всё равно оно не зависит от нас. Если мы живём и думаем о нём, значит, это нужно Богу. Только он вправе решать, как и сколько нам отдано жить на этой земле, значит, и счастье, о котором мы мечтаем, каждому дано своё в зависимости от того, что заслуживаем в этом мире. Если мы что-то ищем в своей жизни и не находим, значит, мы ищем Бога. А найдя Бога, познаём и счастье. Но для этого необходимо пройти определённый путь, который поможет приблизиться к истине, которую мы все ищем на земле.

И от этой мысли вновь захотелось мечтать и любить, куда-то идти, принимая жизнь такой, какая она есть.

* * *

С утра я вновь задумался, где найти деньги на продукты? В этот день один из новых знакомых предложил пойти поработать в овощехранилище. Там если не деньгами, то овощами могут расплатиться. Мы единогласно согласились.

Встретили нас недружелюбно. «Пошли вон отсюда, убогие, а то сейчас милицию вызову, ходят здесь всякие, а потом вещи пропадают», – с негодованием встретила нас толстая женщина. В этот день нам так и не повезло, и я в подавленном настроении подался на вокзал.

Удобно расположившись около вокзальной батареи, от которой шло тепло, я пытался заснуть, но голод был сильнее сна. И я невольно обратил внимание, как в привокзальном буфете молодая семья, дожидаясь своего поезда, ела только что сваренные сосиски, запивая горячим кофе. Недалеко от них расположился не знакомый мне бомж, который всё время следил за их столом. На этот раз бомжу повезло, ребёнок не доел сосиску, а в стакане наполовину остался кофе. Бомж быстренько опустошил стакан, закинул всё со стола себе в карман, а я подумал: «Неплохо пристроился». Но взять со стола оставшуюся еду я так и не решился.

Многие пассажиры дремали в ожидании своего поезда. Размеренную жизнь вокзала нарушила небольшая группа подростков, которым было от 15 до 20 лет. Ворвавшись в зал, наглые и пья-

ные, они стали осматривать пассажиров, словно пытаюсь увидеть знакомых. Громко что-то крича, направились в мою сторону, но, пройдя мимо, остановились напротив бомжа, который доедал бутерброд.

Один из подростков несколько раз ударил его по лицу, дико смеясь, и разбил бутылку пива об его голову. Бомж, как-то странно охнув, обмяк и повалился на скамейку, а подростки со смехом направились к выходу.

Мне стало страшно, я боялся, что они вновь вернуться назад и побьют меня. Некоторое время я просидел в ожидании худшего, но подростки так и не возвратились.

Бомж, полежав на скамейке недолгое время, стал приходить в себя. Потом сел, испуганно огляделся вокруг, словно ища сочувствия у окружающих, и стал вытирать лицо и окровавленную голову. Немного посидев, стал что-то искать. И когда нашёл свой недоеденный бутерброд под скамейкой, аккуратно сдул с него мусор и стал аппетитно жевать. Передних зубов у него не было, и он, долго прожевывая бутерброд, все это время смотрел в одну точку.

Потом, как ребёнок, стал кулаками тереть глаза, словно из них вытекали слёзы.

Среди обитателей вокзалов сложнее всего жилось калекам. Нищим и так жизнь не в радость, а тут проблем было в два раза больше. В самом конце вокзала уже не один день я замечал человека без ног. Когда ему нужно было передвигаться, свои култышки он закреплял на двух деревянных платформах с колёсами, напоминающими самокат. Примерно такой же, какой был у меня в детстве.

Он так ловко приноровился к своим платформам, что быстро мог исчезать в любом направлении. Для скорости и изменения направления движения ему постоянно приходилось отталкиваться от пола руками, на его ладонях были огромные кровоточащие мозоли. На ночь он аккуратно ставил свои деревянные платформы под скамейку и половинки своих ног укрывал старенькой рваной фуфайкой.

Утром калека приползал в самые многолюдные места, снимал шапку и так сидел долгое время. Если прохожие его не замечали, вытаскивал из своих ватных штанов губную гармошку и играл жалостливые песни. Эта сцена задевала за живое спешащих мимо людей, кто-то ненадолго останавливался, многие небрежно бросали деньги. На них он часто покупал дешёвую водку с колбасой.

Однажды я увидел его в церкви. Безногий тя-

нулся к подсвечнику, чтобы поставить свечку, но не мог это сделать. Он долго стоял с зажжённой свечой, одолеваемый мыслями о том, как её поставить. Рядом стояли и молились люди, кто-то подходил и ставил свечи, но на бездомного не обращали внимания. Увидев меня, он немного засмутился и сделал вид, что пришёл просто посмотреть на службу. Так он и простоял всю службу под иконами святых мучеников с догорающей в руке свечкой, и она растаяла, обжигая горячим воском и слабым пламенем его ладонь.

После этого он долго смотрел на иконы, несколько раз перекрестился и, оттолкнувшись от пола, устремился к выходу. Его скрипучие колёса нарушили утреннюю церемонию. Теперь многие прихожане, которые не обращали на него внимания, посмотрели в его сторону. Заметив недовольные взгляды окружающих, безногий на некоторое время приостановился, не спеша подъехал к выходу. Но выбраться из церкви было не так-то просто. Высокие ступеньки создали ему настоящую преграду, и он ещё долго стоял у дверей церкви, изредка снимая старенькую потрёпанную шапку, пытаясь что-то сказать прихожанам, но вместо этого глубоко вздыхал. Видно, слишком тяжёлое было слово, что не смог его произнести вслух.

Заметив как-то на вокзале, что я наблюдаю за ним, он решил поведать мне о своей тяжёлой судьбе.

«Ноги я потерял по пьянке, под поезд попал, вот теперь калекой остался, – рассказывал он, всё время кивая головой туда, где должны были быть ноги. – Теперь мне только что и осталось на хлеб побираться. Калека я теперь, и судьба моя искорёжена».

Неожиданно в его глазах промелькнуло забытое воспоминание, и по лицу пробежал лучик радости, который дал прошедший сон, вернувший его в детство:

– Бегу под дождём по лужам босиком. Вода тёплая, а ноги все в грязи. И так хорошо, что сам готов в эту лужу залезть, – говорил он, вспоминая сон. – Счастливым было время, я, наверное, теперь бы полжизни отдал за то, чтобы хотя ненадолго почувствовать его снова. Утром проснулся и хотел вскочить, как в детстве, но, сам понимаешь, какой я теперь ходок. Жаль, что нельзя время повернуть вспять. Я бы тогда по-другому прожил. Теперь у меня одна мечта: сесть в какой-нибудь поезд и уехать в неизведанную даль. Это так здорово! Я – пассажир, звучит гордо. Когда я еду в поезде, то чувствую себя полноценным человеком. Знаю, что теперь это только мечта. На что я куплю билеты и как залезу в вагон?

Нам, полноценным людям, было жалко бездомного калеку. Посоветовавшись между собой, мы решили осуществить его мечту и посадить в первый проходящий пассажирский поезд. Но удалось нам это не с первого раза. Проводники требовали показать билеты, а купить их мы не могли, потому что у калеки не было паспорта. Тогда мы пошли на хитрость, отвлекли проводника и быстренько приподняли бездомного на руки, чтобы загрузить в вагон. Тело его было лёгкое, и поэтому мы без особого труда посадили его в поезд. Безногий со слезами радости на глазах благодарил нас.

– Вот и сбылась моя мечта, теперь я буду ехать, пока меня не ссадят на какой-нибудь станции, а там опять кого-нибудь попрошу, чтобы меня посадили в любой поезд. Там люди добрее, тепло и поспать можно, а что мне ещё нужно? Один раз я даже ехал более суток, проводник добрый оказался, даже чаем напоил. Дай бог ему здоровья! Может, и на этот раз повезёт. Ну ладно, бродяги, не поминайте лихом, может, когда-нибудь и свидимся. Были бы у меня ноги, проводил бы вас до выхода и обнял бы по-братски.

На прощание я протянул ему руку и в ответ ощутил крепкое рукопожатие.

Провожая взглядом уходящий поезд, я вспомнил, что в детстве тоже часто видел калек и бездомных, путешествующих в пассажирских вагонах. Тогда я смотрел на них, не думая о том, что спустя много лет так близко смогу их узнать и понять, что судьба подчас не жалеет никого и под её жернова может попасть любой человек, независимо от возраста и положения в обществе.

* * *

Годы безверия разрушили многие церкви и монастыри, некоторые были превращены в склады и гаражи.

Какое же счастье было видеть, когда с возрождением православия стали восстанавливаться монастыри и в церкви стали приходить люди, которые с усердием и нескрываемой искренностью начинали молиться! Как, глядя на них, потянулась молодёжь и церковная жизнь, которую много лет назад почти уничтожили, стала возрождаться.

Ночевать на этот раз я собирался у стен одного из монастырей недалеко от Плещеева озера, но сначала решил отправиться в монастырь.

Планы поменялись, когда внимание моё привлёк шум, доносившийся с озера.

Ватага ребят шумно тащила из воды неболь-

шой бредень. Заполненный наполовину тиной, он напомнил мне далёкое детство, когда мы с деревенскими ребятами тоже рыбачили на реке.

У нас был старенький, местами дырявый бредень, поэтому мы чаще проходили по краю берега, а потом, босыми ногами увязая в нагретой солнцем прибрежной грязи, выводили его на берег. Почти всегда в сетях билась пойманная рыба, а мы, аккуратно освобождая, складывали ее в кучки, а потом делили по-честному.

После этого, пока варилась уха, хвастаясь друг перед другом, устраивали подводное ныряние, и я, чтобы не отстать от остальных, набрав побольше воздуха в лёгкие, пытался побить рекорды. Потом, устав от долгих ныряний и плесканий, мы ели уху.

Если бы я смог вернуть дорогие моменты, то, наверное, отдал бы за это полжизни.

Увидев меня, ребята взбодрились и стали хвалиться уловом. Удобно устроившись у костра, мы разговорились о жизни, и я с большим вниманием смотрел за тем, как они готовили уху, а потом ели.

Словно заметив, что я голоден, ребята предложили отведать и мне ухи, и я с удовольствием согласился. Сидеть около вечернего костра в компании местных ребят было интересно и весело.

Они о чём-то спорили, громко смеялись, обжигались горячей ухой. На душе у меня было тепло и уютно, среди них я и сам был словно подросток, которому хотелось смеяться и радоваться жизни. Я смотрел на этих ребят и завидовал им белой завистью, и хотелось, чтобы всё у них было хорошо.

Немного пообщавшись с подростками, я отправился в монастырь. Он закрывался, но я упрямился старого монаха пустить меня. Монастырь восстанавливался, пахло деревом, неприятно и громко визжала пилорама. Походив по двору, я спустился в один из подвалов монастыря, где мне предложили выпить медовухи. Я думал, что это простой квас, но это был вкусный хмельной напиток с запахом мёда. Сильно хотелось пить, и я, зараз осушив две кружки, прилично охмелел и отправился на ночлег.

Уткнувшись в сорванные травы и наслаждаясь их ароматом, я пытался уснуть под стенами монастыря, но сон не приходил ко мне. Надо мной раскинулось звёздное небо, светил молодой месяц, который краем серпа касался старой колокольни монастыря. Где-то рядом догорал костер, слышались спор и весёлый смех деревенских ребят.

Тёплая летняя ночь пролетела незаметно. Когда я проснулся, солнце уже поднялось высоко. На

берегу озера никого не было, только тлел вчерашний костер, тепло которого навевало дорогие сердцу воспоминания.

* * *

Дедом его звали за возраст (говорили, было ему за семьдесят), по имени почти не называли. Поэтому для меня он так и остался человеком без имени. Ему было особенно тяжело жить на вокзалах. Он постоянно пил какие-то зелёные таблетки, а когда они заканчивались, уединялся в отдалённом уголке вокзала, часами долго и тоскливо смотрел в окно. Узнать подробнее о его жизни мне не удалось. «Может, я убил человека и теперь скрываюсь от наказания», – однажды неудачно пошутил он. От этой шутки мне было не по себе, и я старался держаться от него подальше.

Утром дед постоянно куда-то уходил и возвращался лишь поздно вечером. Однажды он не вернулся на вокзал. Ходили разные слухи, одни говорили, что его убили, другие – что он подался на вокзал в другой город, там милиция добрее и люди более доброжелательные. Первое время многие по нему скучали, так как был он большим любителем рассказывать похабные анекдоты.

Самым молодым из постоянных обитателей вокзала был двадцатилетний Сергей по прозвищу Чеченец. Это прозвище парню дали за то, что служил он в Чечне. О себе рассказывать любил. Десятки раз всеми слышанную историю поведал и мне:

– Однажды на учениях в нашу вахтовую машину заехал танк, который протаранил стволом брезент и ударил мне в голову. – Сергей для убедительности показал мне металлическую пластину в своей голове и предложил её потрогать. Мне было неприятно касаться этого места его головы, но я сделал вид, что мне его рассказ очень интересен, и слегка прикоснулся к его волосам.

– Ага, чувствуешь? А что, не верил? – с гордостью спросил он.

Он часто стучал по своей металлической пластинке, рассказывая про психиатрическую больницу.

– Как мне жить дальше, в чём найти смысл жизни, кому я теперь нужен? – спросил он меня неожиданно. Я, вселяя в него надежду на лучшее, сказал, что будет и у него своё счастье, надо только уметь ждать, и оно обязательно придет.

Услышав от меня слова поддержки, Сергей продолжил:

– Знаешь, я расскажу тебе по секрету, как я убежал от самого себя. В деревне меня называли

сумасшедшим, поэтому я оттуда ушёл. Я думал, что если уйду из деревни, то не стану сумасшедшим. Здесь же меня не знают, как и любого из нас. Посмотри вокруг, чем эти люди отличаются от меня? Все меня здесь считают бездомным, а не сумасшедшим. Я всех обманул. Находясь среди них, я такой же, как и они. Не хочешь быть сумасшедшим, не будь им. Здорово я придумал, да?! Меня до армии девчонка любила и провожать приходила, а потом письма писала, да такие, что всем пацанам нравились. Если бы не произошло это со мной, жили бы мы с ней счастливой жизнью. А теперь зачем я ей такой нужен? Да и мне не хочется, чтобы над ней смеялись. Но ничего, и так проживём! Мне нравится! Я даже не думал, что здесь могут быть такие интересные люди, – рассуждал он, успокаивая себя.

– У каждого из нас есть свой ангел-хранитель, и он приходит к нам на помощь. А ты знаешь, я даже однажды пытался покончить жизнь самоубийством. Пошёл в гараж, закрыл дверь и завёл машину, чтобы отравиться угарным газом. Сидел долго и уже чувствовал, что сознание покидает, но вдруг явственно увидел женщину, появившуюся в смраде гаража, которая сказала: «Тебе ещё рано умирать». И всё исчезло, и я понял, что совершаю непоправимую ошибку. Это был ангел, который спас меня. Теперь мне не страшно жить: ангел всегда со мною рядом. Он меня охраняет, как страж у ворот, не подпуская ко мне всё плохое. Главное – чтобы он не видел моих плохих поступков, это ему совсем не понравится. Вообще, жизнь заканчивать самоубийством – большой грех, и я теперь решил жить.

Мне было интересно слушать этого полусумасшедшего молоденького бомжа.

Как-то днём Сергей пришёл избитый местными подростками, которые промышляли у пивнушек и отнимали пиво у слабых и беззащитных. Среди бездомных назревал скандал. Некоторые стали обвинять правительство в том, что оно наплеватьски относится к ним и не защищает. Кто-то предложил написать письмо Горбачёву, только не знали куда. «Мы должны пойти, разобраться и наказать подонков, а иначе они всех нас истребят», – бузили другие. «Да, пошли», – подержали многие.

Выпив немного для смелости, собравшись в небольшую толпу, среди которой был и я, направились искать обидчиков. Дело было даже не в том, что какие-то подонки обидели нашего знакомого, нам надоело быть униженными и оскорблёнными. Мы шли по улицам, пугая прохожих своим видом, многие показывали на нас

пальцами, не понимая, что мы за люди и откуда взялись. Это был вызов обществу, нам хотелось быть услышанными и увиденными. Впервые некоторые из нас, прожившие в таких условиях не один год, решили заявить о себе и привлечь внимание. Одна бабушка, перекрестившись и подойдя ко мне, тихо спросила: «Вы откуда, голубчики, не из тюрьмы ли сбежали?» Я не ожидал такого вопроса и промолчал, доброжелательно улыбувшись, и только для чего-то ещё сильнее стиснул зубы.

Подойдя к пивнушке, мы так и не увидели тех, кто обидел нашего нищего. Позже я узнал, что такие случаи не были редкостью, на улице часто обижали бездомных. Их и за людей-то не считали, а защитить себя они не могли.

«Надо поменьше бродить по ночным улицам», – часто теперь можно было слышать среди нашей братии. Но выпивать нам иногда приходилось для согрева или просто для поднятия настроения. «Кто пойдёт сегодня за бухлом?» – спрашивали мы и кидали жребий.

* * *

В один из вечеров настала и моя очередь идти в пивной бар, который располагался в криминальном районе города. На улице темно, но возле пивного бара было многолюдно. Я занял очередь, купил трёхлитровую банку разливного пива.

– Слышь, мужик, пиво отдай, – сказал подошедший ко мне подросток. На вид ему было лет восемнадцать.

– Могу угостить, если сильно пить хочешь, – протянув банку, сказал ему я.

– Ты меня не понял, мне нужно всё пиво, – нагло ответил он, выхватывая у меня банку.

Кровь взыграла в моих жилах. Я вспомнил бездомного, которого обидели, возможно, такие же, как и он. Я легко поставил на место этого хама, забрал пиво и собрался уходить. Но, пройдя несколько шагов, увидел этого неугомонного подростка, а с ним ещё двоих, которые были намного старше его. Втроём они ринулись на меня.

Первое время я отчаянно сопротивлялся, но хватило меня ненадолго, так как силы явно были не равны. Последнее, что я запомнил, это как верзила взял меня за грудки. Я буквально весь очутился в своём стареньком пальтишке, которое было мне не по росту. Меня сбили с ног и стали пинать. Я закрыл голову и, как котенок, сжался в маленький комочек. Мне было страшно и хотелось звать на помощь, но я молчал, ещё сильнее

стиснув зубы, как будто получал это наказание заслуженно за свои грехи.

Били долго, безжалостно и злобно. Для меня прошла целая вечность, казалось, что этот страшный сон никогда не кончится.

– А я его знаю, он вместе с бичами на вокзале живёт. Тащи его в подъезд, там его и грохнем, всё равно его никто искать не будет, – вытаскивая из кармана нож, сказал один из нападавших. Я почувствовал, как меня, схватив за пальто, словно мешок, куда-то потащили.

«Надо бежать, пока не поздно. Меня же могут убить», – подумал я.

Собрав последние силы, я встал, вырвался и бросился бежать. Но пробежал недолго, снова был сбит с ног. Это ещё больше разозлило нападающих. С новой яростью они накинулись на меня. Удары сыпались со всех сторон, и я чувствовал, что теряю силы.

В такие минуты срабатывает инстинкт самосохранения, почему-то не чувствуется боль, есть только одна мысль, как спасти свою жизнь. Я вновь попытался встать и в этот момент ощутил удар в грудь, что-то тёплое и липкое разлилось у меня по телу. В руке одного из нападающих я увидел нож и понял, что произошло что-то страшное. Было не больно, а странно от того, что подростки перестали бить и как-то необычно смотрели на меня. И от этого меня одолели страх и ужас. Я понял, что меня пытаются убить. «Вот и всё, теперь мне никто не поможет», – подумал я, и в доли секунды в голове пролетела вся жизнь.

«Спасите, человека убивают, что же вы стоите?» – неожиданно раздался истошный крик пожилой женщины, кинувшейся мне на помощь. Очнувшись через некоторое время, я попытался найти свою спасительницу, чтобы поблагодарить её, но рядом уже никого не было. От боли или от страха я обмочился. Переодеться было негде, да у меня и не было чистой одежды. И от этого мне стало страшно стыдно перед собой. Успокоило только, что я остался жив.

Оглянувшись вокруг, я увидел толпу здоровенных мужиков, стоявших у пивной. Они смотрели на то, как со мной расправлялась подогретая водкой и безнаказанностью кучка подонков.

– Что же вы, как козлы, стоите? Интересное зрелище, да? – кричал я в толпу.

Я был в шоке от того, что произошло, и впервые в жизни бросал в толпу крепкие нецензурные слова, от которых мне становилось легче. Первое время я не чувствовал боли, но прошел несколько шагов, и ноги мои подкосились, я прислонился к стенке, чтобы не упасть.

На вокзал я пришёл с трудом. Лицо моё было в крови, тело болело. Чтобы не привлекать внимание милиции, бездомные поместили меня в какой-то заброшенный дом. Было там грязно и неуютно. Зато имелось отопление. Спустя некоторое время они принесли откуда-то грязные бинты и жидкость, похожую на водку. Удар ножа пришёлся почти в сердце. К счастью, рана оказалась неглубокой, но из неё постоянно сочилась кровь. Бездомные предложили залепить её медицинским пластырем. На самом деле «пластырем» оказался кусок изоленты. Обработав неизвестно чем кровоточащие раны, я вновь погрузился в раздумья о смысле жизни и счастье.

* * *

Наутро избитое тело сильно болело, нога опухла, глаз – наполовину. Но беспокоила не физическая боль, а внутренняя: «Меня же могли убить за банку пива. И почему я не смог постоять за себя, имея позади многие годы тренировок карате?»

Бездомные ко мне относились с должным вниманием. Часто приносили томатный сок, зная о том, что я его люблю. Но здоровье моё на поправку шло медленно. Я почти ничего не ел и впал в уныние.

«Может, ему рёбра переломали, а то ещё хуже – отбили чего-нибудь, его в больницу надо», – размышляли бездомные. Но я не соглашался. Почти месяц я залечивал раны, которые с трудом заживали, и всё это время хромал на правую ногу, перебитая косточка болела. Чтобы мне было удобно ходить, бездомные смастерили тросточку.

По вечерам я сидел и зашивал своё старенькое пальтишко, на котором засохли капли крови. Мне было жалко его, так как оно приобретено в кредит ещё в Москве. Возможно, оно спасло мне жизнь. На глаза наворачивались слёзы от полной безысходности и одиночества. Я для чего-то взял свою старенькую потрёпанную записную книжку и дрожащей рукой большими буквами написал: «Если со мной что-нибудь случится, звоните...» И записал номер телефона своего московского друга.

Поправившись, всю неделю я ходил в то место, где меня избили, чтобы расквитаться с обидчиками, но со временем злость моя угасла, а раны затянулись.

Жаловаться на жизнь и болеть у бездомных не принято – помощи ждать всё равно не от кого. В этих случаях от всех болячек пользовались обычными таблетками, такими как анальгин.

Здоровье одного из бездомных становилось всё хуже, мы все это видели, но не могли ему помочь. На ногах и руках его были какие-то страшные язвы. Он их часто расчёсывал, и они кровоточили.

По ночам он бредил, не ел уже давно, пил только воду и о чём-то постоянно пытался рассказать. Ближе к нему мы не подходили, так как боялись заразиться какой-нибудь страшной болезнью. Но от бездомных я слышал, что это верующий человек и что он часто говорил о каком-то монастыре и земном счастье. На груди он носил старенький крестик, а по вечерам и утрам читал какие-то молитвы, из которых мне особенно запомнилась «Господи, спаси и сохрани нас». Окружающие на него особого внимания не обращали. Возможно, привыкли к тому, что он был странный, или сами верили в Бога, но только не подавали вида. Но когда он читал молитвы, они прекращали свои нехорошие беседы, их лица становились серьёзными.

«Это он за нас молится», – говорили они.

В один из дней я посмотрел в его глаза. В них было всё: грусть, страдание, невысказанные чувства... Мне хотелось подойти к этому человеку и сказать что-то хорошее, чем-нибудь помочь, но я, как и сотни проходивших рядом людей, этого не сделал. Ближе к вечеру он умер, и мы не знали, что с ним делать. Люди проходили мимо, а он ушёл из жизни в полном одиночестве, не прося помощи. Рядом с ним остались лежать недоеденный кусок чёрствого хлеба и небольшой старенький рюкзак.

Документов у него мы не нашли, поэтому даже не знали его фамилии. В кармане его пиджака лежала только потрёпанная фотография какой-то женщины. О случившемся узнал начальник вокзала, вызвал «скорую помощь» и милицию. Не очень охотно расспросив нас, они погрузили тело в машину.

Один из нищих, который знал его больше всех, глубоко вздохнув, сделал свой вывод: «Жил человек, мухи не обидел. Да он здоровый был и ещё бы жил да жил, его просто вши зажрали, вот от них он и не смог найти себе спасения».

– А что будем делать с его кружкой и фотографией? – спросил кто-то из бездомных.

– Да кому они теперь нужны, о чём ты говоришь? Ему и при жизни ничего особенно не нужно было. Плохо, что похоронят его не по-христиански, да и всех нас ждёт такая же участь. Я знаю, что и моя жизнь закончится так же, и ничего с этим не поделаешь.

Чудом оставшийся в живых, думал об этом и я. И от этой мысли душа моя сжималась от страха и

одинокства. Хотелось кому-нибудь пожаловаться на свою судьбу, услышать в ответ добрые слова поддержки.

Одoleвал страх, что вот так же, как и этот нищий, умру на вокзале и никогда не узнаю, что такое счастье. Но оттого что выжил, приходило ощущение радости, которое давало новые силы, чтобы жить и наслаждаться хотя бы тем, что имел в данный момент.

* * *

Когда среди бездомных поползли слухи о том, что были случаи, когда их брали в рабство, мы стали меньше выходить на улицу, так как боялись исчезнуть в неизвестном направлении. Наша жизнь и свобода перестали нам принадлежать.

Усилила свою работу против нас и милиция. Всё чаще проверяли документы и выгоняли нас из вокзалов. В один из дней была такая зачистка. Милиционеры у всех проверяли документы, тех, кто не внушал доверия, забирали, в том числе забрали и меня. Отвели в спецприёмник до выяснения личности. Один из бездомных был очень недоволен, он постоянно возмущался, дело дошло до того, что молодой сержант избил его резиновой дубинкой. Пострадавший стал требовать вышестоящее начальство, за что получил ещё несколько ударов. Я понял, что надо молчать, чтобы не тронули.

Ночь мы провели в спецприёмнике, было здесь сыро и холодно, в разбитое окно летел снежок.

Вместе со мной в спецприёмнике сидели пьяные мужики, от которых разило алкоголем, матерные слова так и лились нескончаемым потоком, поэтому ночь была бессонная.

Под утро к нам привели ещё одного странника, был он сильно избит и всё время ругался. Ближе к обеду нас пригласили к молодому лейтенанту. «Так, слушайте сюда, бичи, надо вам менять отношение к жизни, вы же сгинете бесследно, и никто о вас не узнает», – поучал нас совсем ещё молодой офицер. Беседа была недолгой. Он часто говорил избитые фразы о том, что нам надо становиться настоящими людьми, что у нас всё впереди, нёс всякую чепуху, предупредив нас напоследок о том, чтобы мы не жили на этом вокзале и больше не появлялись ему на глаза. Но так как жить нам было больше негде, мы продолжали обитать на вокзале, и вскоре местная милиция почти перестала нас замечать.

* * *

На дворе стоял декабрь, случайно я вспомнил про свой день рождения и те скромные детские игрушки, которые мне дарили родители. Самым памятным для меня подарком был медвежонок, который мне из города привезли родители. Стоило его только завести маленьким ключиком, он вставал на задние лапы, рычал и ходил по полу. Потом он сломался, и я не знал, что мне с ним делать. А родители говорили, что он просто устал, вот отдохнёт и будет снова танцевать. И я ждал, но только он так и не станцевал для меня. И тогда я стал ему сам передвигать лапы, будто медвежонок танцует.

Вспоминая детство, я бродил по вокзалу и смотрел на прохожих, которым не было дела до моего дня рождения, они даже об этом не догадывались. У всех были свои заботы, потому что приближался Новый год. Несмотря на одиночество и отсутствие дома, настроение моё всё равно было предпраздничное, я верил, что наступающий год принесёт мне счастье.

Вспоминая всё хорошее, что было связано с этим праздником, мне захотелось встретить его торжественно. Я предложил бездомным организовать нашу коммуну и радостно встретить Новый год. Идею мою поддержали, место для этого нашли в каком-то заброшенном старом доме. Кто-то из бомжей принёс хиленькую ёлку, кто-то нашёл старые разбитые игрушки.

Наше жильё, в котором мы навели порядок, приобретало праздничный вид. Растопили печку, которая сильно дымила, но стало по-домашнему тепло и уютно. На миг я вспомнил детство, когда мы дома наряжали новогоднюю ёлку, и от тепла, шедшего от печки, она выделяла смолу, от которой пахло зимним лесом, на душе стало радостно и тепло. В детстве я, как и все, верил в сказки и был уверен, что все мечты под Новый год сбываются. Поэтому и сейчас наряжать ёлку взялся сам.

Скинувшись, мы купили бутылку дешёвой водки и пиво, так как на шампанское не хватило денег. Еда была скудной, но и эта нас радовала.

Ровно в двенадцать (об этом нам сообщил один из нищих, у него одного были ручные часы) мы, как и полагается, подняли «бокалы». Бездомные преобразились, забыв о своём положении в обществе. Хоть ненадолго, но в их жизнь пришёл праздник.

Они, словно дети, пели, танцевали и от души радовались. Глядя на моих товарищей-бедолаг, нельзя было сказать, что это люди, выброшенные из общества, без настоящего и будущего.

В эти минуты они становились счастливыми и беззаботными. Мне хотелось, чтобы счастье долго не покидало их. А им и немного нужно было для счастья. «Вот сейчас выпью, закушу сытно и спать лягу, а наутро как бог даст. Он же всё видит и никого в беде не оставит», – укладываясь на старом дырявом матрасе, мечтательно произнёс один из бездомных. «Нет, не понимает он ничего в жизни, – откликнулся Сергей, смотревший в окно. – Вот нам бы сейчас туда, там красиво, и девки молодые, вот я понимаю – счастье, не то что мы здесь свою жизнь прожигаем».

В новогоднюю ночь у каждого была своя мечта, но единым было одно желание: вырваться из этой жизни, завести свою семью и стать счастливыми людьми. Больше вспоминали и думали о хорошей жизни, о том, куда бы за ней податься. Тогда кто-то из нищих вспомнил о том бездомном, который, уходя из жизни, говорил о счастье земном.

– А вы знаете, тот человек-то был не простой, а божий. Он поведал мне тогда, что есть на земле монастырь Оптиная Пустынь, где можно замолить все свои грехи. Принимают там всех бездомных, нищих и убогих.

Тема была поддержана. Многим нищим казалось, что только там можно найти счастье земное.

– А я некрещёный и ещё курю, но, наверное, там бы бросил. Говорят, этот монастырь посещали знаменитые люди, жили там великие святые. Там, наверное, и воздух духовностью наполнен, – размышлял один из пожилых нищих, который жил

по вокзалам уже более десяти лет и питался тем, что бог пошлёт.

Другие бездомные говорили о том, что имеют большой грех на душе и в монастыре его не искупить, да и веры у них не осталось никакой. Видно, суждено им закончить свою жизнь в бродяжничестве и нищете.

Я не поддерживал беседу, но в душе у меня появился светлый лучик надежды на новую лучшую жизнь. Мне сильно захотелось уехать в монастырь, и я уже представлял себя монахом Оптиной Пустыни. От этой мысли новогодняя ночь была для меня загадочной и необычной. Эта мечта не покидала меня до самого лета, согревая одинокую душу.

Ближе к лету я отправился в монастырь один. Провожать пришли почти все нищие и бездомные, которые знали меня. Некоторые совали в мои карманы еду и последние свои гроши, кто-то просил помолиться за них, другие молчаливо и безучастно смотрели вслед.

(Окончание в № 9-10)

Анатолий Александрович ПЕРКИН

родился в 1958 году в Рязанской области.

Работал в Москве, в Горьковской, Рязанской областях,

Узбекистане, на строительстве Амуро-Якутской магистрали,

Байкало-Амурской магистрали.

В настоящее время – специалист по связям с общественностью,

СМИ и органами власти филиала

ОАО «Дальневосточная распределительная сетевая компания»

«Южно-Якутские электрические сети».

Член Союза журналистов России,

лауреат премии Союза журналистов Республики Саха (Якутия).

В журнале «Север» публикуется впервые.

